

Юрий Рипенко Андрей Фролкин Виктор Лепский

Одесское артиллерийское

105 лет
1913 - 2018

Служу России!

Юрий Рипенко

**Одесское артиллерийское.
1913-2018. Исторический очерк**

«Горизонт»

2018

Рипенко Ю. Б.

Одесское артиллерийское. 1913-2018. Исторический очерк /
Ю. Б. Рипенко — «Горизонт», 2018 — (Служу России!)

ISBN 978-5-906858-86-3

8 октября (25 сентября) 1913 года было открыто Сергиевское артиллерийское училище в Одессе. С созданием училища началась подготовка офицеров-артиллеристов для осадной и крепостной артиллерии. В разные времена своей истории оно имело различные названия: Сергиевское артиллерийское училище, Одесские артиллерийские командные курсы, Одесские командные курсы тяжелой и береговой артиллерии, Одесская артиллерийская школа имени М.В. Фрунзе, Одесское артиллерийское училище имени М.В. Фрунзе, Одесское артиллерийское ордена Ленина училище имени М.В. Фрунзе и, наконец, Одесское высшее артиллерийское командное ордена Ленина училище имени М.В. Фрунзе. Многие выпускники прославили имя Одесского артиллерийского училища своими подвигами в годы Великой Отечественной войны, локальных войн и вооруженных конфликтов, своими результатами в области обучения и воспитания артиллерийских кадров, развития теории и практики боевого применения РВиА, развития техники и вооружения. С 1913 по 1993 год училище провело 128 выпусков и подготовило 27000 офицеров, из которых более 200 человек стали генералами, столько же учеными, 41 человеку присвоено звание Герой Советского Союза, двоим - Герой Российской Федерации. К сожалению, в 1993 году Одесское артиллерийское училище, одно из старейших военно-учебных заведений на постсоветском пространстве, с богатой и уникальной историей, перестало существовать. На начальном этапе своего существования, пусть и коротком, училище входило в состав Михайловской артиллерийской академии. Поэтому история училища того периода, есть часть истории Михайловской военной артиллерийской академии. В книге изложен обобщенный материал об истории училища со дня основания и до наших дней, в том числе о жизни и деятельности училища до октября 1917 года, в годы Гражданской войны и эмиграции. Судьба разбросала

выпускников училища по всему миру. Но где бы они ни были, и когда бы они не оканчивали любимое училище, всегда гордятся тем, что учились в ОДЕССКОМ АРТИЛЛЕРИЙСКОМ...

ISBN 978-5-906858-86-3

© Рипенко Ю. Б., 2018

© Горизонт, 2018

Содержание

Слово авторам	7
Предисловие	8
1. Создание Сергиевского артиллерийского училища	10
Выбор места расположения, начало строительства и	11
формирование штатов училища	
Торжественная закладка училища	15
Замысел архитектурного комплекса училища и решение	17
проблем строительства	
Организация учебного процесса и жизнедеятельности училища	19
Открытие училища	21
Форма одежды юнкеров Сергиевского артиллерийского училища	22
2. Становление учебного процесса	24
3. Училище в годы Первой мировой войны	29
4. Сергиевцы в годы Гражданской войны	49
5. Сергиевцы в эмиграции	58
Не нужен им берег турецкий...	58
В Болгарии	60
6. Создание Одесской артиллерийской школы имени М.В. Фрунзе	63
Харьковские артиллерийские курсы	64
От командных курсов до артиллерийской школы имени М.В.	68
Фрунзе	
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Ю.Б. Рипенко, А.Э. Фролкин, В.А. Лепский

Одесское артиллерийское

1913-2018 Исторический очерк

*Сроднила служба дальнее и близкое.
Сыны народа начеку всегда.
Тебя Одесское артиллерийское,
Не позабыть потомцам никогда.*

Слова из песни «Курсанты-фрунзевцы идут»

Слово авторам

8 октября (25 сентября) 2018 года исполнилось 105 лет со дня открытия Сергиевского артиллерийского училища в Одессе. С созданием училища началась подготовка офицеров-артиллеристов для осадной и крепостной артиллерии. В разные времена своей истории оно имело различные названия: Сергиевское артиллерийское училище, Одесские артиллерийские командные курсы, Одесские командные курсы тяжелой и береговой артиллерии, Одесская артиллерийская школа имени М.В. Фрунзе, Одесское артиллерийское училище имени М.В. Фрунзе, Одесское артиллерийское ордена Ленина училище имени М.В. Фрунзе и, наконец, Одесское высшее артиллерийское командное ордена Ленина училище имени М.В. Фрунзе.

Многие выпускники прославили имя Одесского артиллерийского училища своими подвигами в годы Великой Отечественной войны, локальных войн и вооруженных конфликтов, своими результатами в области обучения и воспитания артиллерийских кадров, развития теории и практики боевого применения РВиА, развития техники и вооружения.

С 1913 по 1993 год училище провело 128 выпусков и подготовило 27000 офицеров, из которых более 200 человек стали генералами, столько же учеными, 41 человеку присвоено звание Герой Советского Союза, двоим – Герой Российской Федерации.

К сожалению, в 1993 году Одесское артиллерийское училище, одно из старейших военно-учебных заведений на постсоветском пространстве, с богатой и уникальной историей, перестало существовать.

Отметим, что на начальном этапе своего существования, пусть и коротком, училище входило в состав Михайловской артиллерийской академии. Поэтому история училища того периода, есть часть истории Михайловской военной артиллерийской академии. Авторы – выпускники Одесского артиллерийского училища и Михайловской военной артиллерийской академии считают своим долгом изложить в этой книге обобщенный материал об истории училища со дня основания и до наших дней, в том числе о жизни и деятельности училища до октября 1917 года, в годы Гражданской войны и эмиграции.

Авторы не претендуют на исчерпывающее изложение истории Одесского артиллерийского, а обращаются ко всем, кто имеет какие-либо дополнительные сведения об истории училища, а также офицерах – выпускниках училища, которые своей деятельностью прославили его, и просят направлять информацию авторам. Контакты приведены в приложении 4.

**Поздравляем выпускников Одесского артиллерийского
училища со 105-летием со дня его основания**

Авторы: Юрий Рипенко, Андрей Фролкин, Виктор Лепский

Предисловие

В начале XX в. офицеров-артиллеристов для Российской императорской армии готовили всего два артиллерийских училища – Михайловское и Константиновское, расположенные в Санкт-Петербурге, и входившие в состав Михайловской артиллерийской академии. Обучение юнкеров в училищах и офицеров в академии велось по тактике применения и правилам стрельбы полевой артиллерии. Выпускники артиллерийских училищ и академии в основной своей массе направлялись в полевую артиллерию, где условия службы и порядок ее прохождения для офицерского состава существенно отличались в лучшую сторону от офицерской службы в подразделениях крепостной артиллерии. К тому же большое разнообразие и сложность материальной части тяжелой артиллерии осадно-крепостного типа требовало от офицеров-артиллеристов специальной подготовки. Все это приводило к большому некомплекту офицерских кадров в частях крепостной артиллерии. Хронический некомплект офицеров в артиллерии, особенно в крепостной, пытались пополнять выпускниками пехотных училищ, что, безусловно, проблему не решало, а только усугубляло.

О положении дел в осадно-крепостной артиллерии можно судить по ближайшей к границе Германии небольшой русской крепости Осовец. Проведенная в сентябре 1912 года опытная мобилизация крепости обнаружила, что в некоторых батареях крепостной артиллерии не было офицеров почти круглый год, а подготовка солдат лежала, главным образом, на фейерверкерах (младший командный состав в артиллерии) и прапорщиках. Во время мобилизации большинство офицеров исполняло по 2–3 должности. Один из командиров батарей был одновременно командиром форта, командиром дивизиона, начальником одного из отделов артиллерийской обороны, заведующим хлебопечением, временным командиром батальона призванных из запаса для прохождения сборов во время мобилизации, т.е. исполнял обязанности по шести должностям.

«Мы не доверяли своей способности к суждению и выжидали реакции германской военной мысли на опыт Мукденского сражения, – писал известный военный специалист А.А. Свечин. Только когда немцы объяснили, что японские тяжелые орудия... все же произвели значительное моральное впечатление; что недостаточный материальный эффект огня японской тяжелой артиллерии объясняется устарелостью японских орудий и отсутствием организации их в хорошо сплоченные и обученные полевые части; что опыт Мукдена ни в какой степени не колеблет взятой в Германии линии на максимальное усиление полевой тяжелой артиллерии, – только заимствовав все эти опорные точки мышления, мы становимся на путь перехода от кустарничества к серьезной работе над тяжелой артиллерией. Правда, мы не ошиблись в направлении наших мероприятий, но мы решительно ошиблись в сроках их осуществления. Избрав себе позицию в хвосте за Германией, мы не могли не запоздать».

Отметим, что А.А. Свечин отчасти был прав, так как в России все-таки были военные специалисты, которые занимались вопросами развития тяжелой артиллерии и ее применения в полевом бою, а также при осаде и обороне крепостей. Так, генералы А.А. Нилус и М.А. Сулькевич неоднократно в своих научных трудах обосновывали необходимость развития осадно-крепостной артиллерии. Одним из неперемennых условий решения этой проблемы они считали необходимым создание училища для подготовки офицеров-артиллеристов по специальностям осадно-крепостной артиллерии и артиллерии тяжелой (большой) мощности.

Конечно, были робкие попытки изменить положение дел в осадно-крепостной артиллерии. Так, по плану мероприятий, составленному Главным артиллерийским управлением (ГАУ) еще в 1906 году, **признавалось** (только признавалось) необходимым создание «крепостного» артиллерийского училища для подготовки офицеров тяжелой артиллерии. Начали отпускатся средства на изготовление орудий крупных калибров (осадного типа), так как до этого переоце-

нивалась роль легких орудий; к 1921 году предусматривалось полностью выполнить программу вооружения. Но война началась в 1914 году.

К сожалению, консерватизм российских военачальников, от которых зависело окончательное принятие решений по ряду военных вопросов, долго являлся непреодолимой стеной для реализации предложений генералов А.А. Нилуса и М.А. Сулькевича. Когда в немецких военных научных трудах стали очевидными устремления Германии в кратчайший срок уничтожать крепости противника, чтобы выводить свои войска на оперативный простор, российский Генеральный штаб стал искать пути решения проблемы развития тяжелой артиллерии.

Безусловно, были причины и другого рода. Отставание России в развитии тяжелой артиллерии объяснялось, кроме прочего, слабостью отечественной промышленности и ее зависимостью от иностранной.

Таким образом, после нескольких лет канцелярской волокиты меры по улучшению дел были осуществлены лишь отчасти и настолько опоздали, что до Первой мировой войны не произошло существенного улучшения в пополнении некомплекта тяжелой артиллерии специально подготовленными офицерами. Недооценка преобладающей роли тяжелой артиллерии сказалась очень быстро. Под впечатлением первых неудач Первой мировой войны, особенно в позиционный ее период, когда без основательной артиллерийской подготовки с разрушением весьма прочных фортификационных сооружений нельзя было двинуться ни шагу вперед, пришлось в корне изменять отношение к тяжелой артиллерии.

В первых же полевых сражениях огонь неприятельской тяжелой артиллерии вызвал огромные потери в рядах пехоты и потрясаяще действовал на моральные силы. Уже первым выпускникам Сергиевского артиллерийского училища предстояло на полях сражений заниматься вопросами противодействия огню тяжелой артиллерии Германии.

В пятницу 18 ноября 1911 года в Одесской газете «Южная мысль» большими буквами были набраны слова: «Артиллерийское училище в Одессе», Корреспондент газеты сообщал из столицы, что 17 ноября кабинет министров одобрил формирование в Одессе третьего артиллерийского училища¹. До открытия училища оставалось еще почти два года. Полтора года пришлось ждать и одобрения кабинетом министров идеи создания артиллерийского училища в Одессе.

¹ К этому времени в России существовали Михайловская артиллерийская академия и два артиллерийских училища в Петербурге – Михайловское и Константиновское. В 1914 году было создано четвертое – Николаевское в Киеве.

1. Создание Сергиевского артиллерийского училища

12 марта 1910 года начальник Главного артиллерийского управления генерал-лейтенант Д.Д. Кузьмин-Караваев во исполнение приказа военного министра генерал-лейтенанта В.А. Сухомлинова предписал начальнику Михайловской артиллерийской академии и училищ генерал-лейтенанту В.Т. Чернявскому (см. Приложение 1) отправиться в командировку на юг России для обследования во всех отношениях, выбора пунктов и земельных участков, наиболее пригодных для расположения и создания нового крепостного, артиллерийского училища и лагеря для него в одной из южных крепостей. Названы были такие города и крепости: Киев, Харьков, Одесса, Очаков, Николаев, Херсон, Севастополь и Керчь. О результатах командировки было приказано представить подробный рапорт для доклада военному министру.

16 марта начальник ГАУ направляет письма командующим войсками Киевского и Одесского военных округов с просьбой оказать содействие генералу В.Т. Чернявскому в исполнении возложенного на него поручения как со стороны подведомственных им лиц и учреждений, так и со стороны местных гражданских властей.

Выбор места расположения, начало строительства и формирование штатов училища

Генерал В.Т. Чернявский начал с Одессы, как крупного научного и военно-административного центра всего Черноморского побережья, вполне удовлетворяющего намеченной цели. Выбор был обусловлен высоким статусом города в Российской империи, теплым мягким климатом и близостью морских крепостей Севастополя и Очакова, с наличием осадной артиллерии. К тому же в Очакове располагался Крепостной отдел офицерской артиллерийской школы, на материальной базе которой юнкерам можно было проводить лагерные сборы и практические стрельбы. Кроме того, в период обсуждения вопроса об открытии училища генерал-лейтенант В.Т. Чернявский в своем докладе императору (№ 1795 от 16 июня 1910 года) указывал, что «...важнейшим условием при выборе пункта для крепостного артиллерийского училища представляется надежное обеспечение училища надлежащего качества преподавательским составом с университетским и военно-академическим образованием...».

25 марта генерал-лейтенант В.Т. Чернявский обратился в Одесскую городскую думу с отношением следующего содержания:

«По Всеподданнейшему докладу Военного Министра об учреждении на юге России в ближайший срок нового третьего Артиллерийского училища, с обязательным устройством для него лагеря в одной из южных крепостей, мне предписано всесторонне обследовать военно-административные центры, университетские города и крепости на юге России с целью достойного выявления личным сношением на местах всех условий, могущих послужить данными для правильного решения вопроса о выборе наиболее пригодного в учебном, климатическом и финансовом отношении пункта на юге России, удовлетворяющего всем требованиям для будущей успешной деятельности, процветания и развития нового артиллерийского училища».

Обращаясь в городскую управу, генерал просил в возможно кратчайший срок в связи со спешностью дела дать полный и окончательный письменный ответ на следующие вопросы:

1. Возможна ли для строительства артиллерийского училища передача военному ведомству в полную собственность земельного участка размером от 6 до 10 десятин² (в самом городе или на окраине).
 2. Возможно ли без крупных затрат присоединить участок к городскому водопроводу и канализации.
 3. Может ли училище за установленную городом плату получить потребное ему количество электроэнергии.
 4. Возможно ли рассчитывать на первоначальное устройство за счет города мощных дорог к будущим зданиям училища.
 5. Возможно ли рассчитывать на бесплатную уступку саженцев разных пород деревьев и кустарников из городских питомников для насаждений вокруг зданий, плаца, дворов и аллей.
- Денежные затраты по созданию училища были определены не менее 2-х миллионов одновременно и по 350 тыс. ежегодно.

По первоначальному расчету штат училища был определен на 300 юнкеров (в их числе 2 фельдфебеля – по 1 на батарею, 8 старших портупей-юнкеров – по 4 на батарею и 36 младших портупей-юнкеров – по 18 на батарею). Однако предполагалось неизбежное расширение училища и увеличение его штата.

При определении размера земельного участка для нового училища исходили из того, что Константиновское училище в Санкт-Петербурге при плотном расположении зданий, отсут-

² Десятина – основная дометрическая русская мера площади, равная 1,09 га.

ствии учебного плаца и площадок для физических упражнений, групповых и строевых занятий на воздухе занимало площадь в 6,5 десятин.

Создаваемое в Одессе артиллерийское училище сулило городу определенные культурные и моральные выгоды. Многие из молодых людей приобретали возможность получить в родном для них городе специальное военное образование; другие могли найти в новом учебном заведении применение для своего умственного и физического труда, для торговой и промышленной деятельности.

Поэтому не случайно городские власти весьма благосклонно отнеслись к идее создания в Одессе нового военного училища³.

Для его строительства на рассмотрение генерала В.Т. Чернявского было предложено три участка: на Бугаевке, около больницы Красного Креста и у Чубаевки. Отказавшись по разным причинам от каждого из них, генерал В.Т. Чернявский указал на занятый под огороды городской участок в районе Среднефонтанской дороги, на который он может согласиться.

Принимая во внимание, что учреждение артиллерийского училища в Одессе принесет городу огромную пользу, городская управа по докладу городского головы Н.И. Моисеева 3 апреля 1910 года постановила согласиться с соображениями военных и представить решение вопроса в думу.

9 апреля 1910 года городская дума в составе 49 голосующих большинством в 48 голосов при одном против постановила подтвердить соглашение, состоявшееся между городским головой Н.И. Моисеевым и генералом В.Т. Чернявским и уполномочила городскую управу отвести безвозмездно военному ведомству под постройку артиллерийского училища бывший под огородами участок земли в 8,5 десятин в границах: по Среднефонтанской дороге, Новой дороге, дороге со стороны хутора Штейнфинкеля и со стороны Скакового поля.

Одновременно город обязался отпустить из городского питомника 500 саженцев разных древесных пород и кустов для насаждений на территории училища.

При этом были высказаны условия:

- в течение года после окончания строительства вымостить гранитными формованными осколками с устройством гранитных бордюров, прилегающую к фасаду дорогу на протяжении 110 погонных сажен, не менее 5 сажен шириной⁴;
- воду, канализацию и электричество проводить самим;
- фактический отвод земли может быть осуществлен только после окончательного разрешения вопроса об ассигновании денег на постройку зданий училища.

Это постановление городской думы 11 апреля 1910 года было вручено лично генерал-лейтенанту В.Т. Чернявскому.

В докладе помощнику начальника ГАУ генерал В.Т. Чернявский 8 мая 1910 года назвал Одессу пунктом для создания крепостного училища.

Заметим, что только в 1912 году императором Николаем II, по ходатайству военного министра генерал-адъютанта В.А. Сухомлинова, окончательно было принято решение о создании третьего артиллерийского училища для подготовки офицеров по специальности осадно-крепостной артиллерии и артиллерии тяжелой мощности.

Приказом № 395 по военному ведомству от 28 июля 1912 года объявлялось об учреждении в Одессе артиллерийского училища на 300 юнкеров и применении к нему того же положения, которое существовало для Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ.

Формирование училища предписывалось начать в 1913–1914 учебном году после возведения необходимых построек и провести поэтапно на протяжении трех лет, допустив к приему в каждом учебном году по 100 юнкеров.

³ В городе были два училища – военное (пехотное) и кадетский корпус.

⁴ Сажень – русская мера длины, равная 2,1336 м.

До возведения всех построек училища и его полного оборудования в учебном, строевом и хозяйственном отношениях учреждалась временная хозяйственно-строительная комиссия в составе 8 человек: председателя и помощника, двух офицеров-хозяйственников, офицера для поручений, строителя (из военных офицеров), делопроизводителя и бухгалтера.

Непосредственный надзор и наблюдение за своевременным исполнением всех работ по сооружению зданий училища и его оборудования был возложен на начальника Михайловской артиллерийской академии и артиллерийских училищ генерал-лейтенанта В.Т. Чернявского.

Временная хозяйственно-строительная комиссия немедленно приступила к работе под председательством заслуженного профессора Михайловской артиллерийской академии Андрея Александровича Нилуса, который став начальником училища, получил звание генерал-лейтенанта. Следует отметить, что А.А. Нилус как никто другой подходил для должности начальника училища. Во-первых, он был активным инициатором создания такого училища. Во-вторых, доскональное знание вопросов применения артиллерии вообще и осадно-крепостной артиллерии в частности обусловило его назначение на эту ответственную должность.

Основной задачей временной хозяйственно-строительной комиссии по постройке училища было – во что бы то ни стало, в 1913 года открыть его и начать подготовку офицеров-артиллеристов.

Приступая к выполнению этой задачи, комиссия буквально с первых же дней встретила с большими трудностями. Грозил задержкой работы то обстоятельство, что выделенный для расположения участок земли оказался еще не принадлежавшим ему, так как на владение им требовалось получить разрешение от Министерства внутренних дел. А оно не было еще и запрошено.

Комиссия рискнула не ждать окончания канцелярской волокиты и приступила к организации работ. И хорошо сделала, так как окончательное решение на закрепление земли было получено только в сентябре 1912 года. Строительство училища продолжалось с 1912 по 1915 годы.

Для производства строительных работ, в соответствии с утвержденными приказом военного министра правилами о контроле и проверке операций по постройке и оборудованию училища, размеров авансов и отчетности по ним, инженерное ведомство установило столь низкие цены на рабочие руки и различные материалы, что никто из подрядчиков не хотел браться за работу. На состоявшихся в Одессе торгах были выдвинуты цены на 7-10% выше сметных и без уступок.

Нужно было или требовать дополнительные ассигнования, вводя таким образом казну в лишние расходы и затягивая ход строительства, или браться за него самим, хозяйственным способом.

Комиссия рискнула и предпочла второй вариант, и несмотря на ряд повышений рыночных цен в процессе строительства, смогла завершить строительство без дефицита.

Заметно осложнили работу исключительно неблагоприятные климатические условия. С начала осени 1912 года, шли непрерывные дожди, превратившие огородную почву училищного участка в непролазную грязь. Доставлять материалы было сложно. Подводы вязли в грязи, не доезжая до места. Нелегко было и строительным рабочим. Вдобавок ко всему в октябре ударили морозы, дошедшие 15 октября до минус 9°. Взявшийся за работу подрядчик Васильев, выложив лишь два фундамента-казармы и служебного флигеля, опасаясь разорения, отказался от подряда.

В газете «Одесские новости» писали, что в канун крещения город был занесен снегом. К утру началась невидимая метель, мороз усилился до минус 10°.

Наступил 1913 год, а комиссия к решению поставленной задачи практически не приступила.

И даже в таком, казалось бы, безвыходном положении, комиссия не пала духом, не утратила энергии и продолжала поиски путей для организации строительных работ. Был найден хороший подрядчик. Без ущерба для казны ему были предоставлены хорошие льготы. 18 марта 1913 года возобновили строительство, которое велось очень энергично. А несколькими днями раньше, приказом по военному ведомству № 99 от 13 марта, подписанным военным министром генерал-адъютантом В.А. Сухомлиновым, формируемое 3-е артиллерийское училище стало именоваться «Сергиевским артиллерийским» – в честь августейшего генерал-инспектора артиллерии Его императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича (см. Приложение 1).

Торжественная закладка училища

Официальная закладка главного здания училища была проведена в торжественной обстановке и с большой помпезностью 22 июня 1913 года.

Утром в Одессу петербургским поездом прибыл Великий князь Сергей Михайлович для присутствия на торжествах закладки. Для встречи на перроне вокзала собрались: командующий войсками округа В.Н. Никитин⁵, его помощник генерал М.И. Эбелов, генералитет, начальники отдельных частей, исполняющий обязанности градоначальника и его помощник, городской голова, другие официальные лица. Первым приветствовал Великого князя командующий войсками округа, представивший затем собравшихся лиц.

В 11 часов Великий князь Сергей Михайлович на автомобиле проследовал к месту закладки нового училища.

«Одесские новости» сообщили на следующий день: «Вчера вблизи станции на Средне-Фонтанской дороге на отведенном городом участке земли состоялось торжество закладки главного здания артиллерийского училища и церкви при нем.

С утра вся площадь, отведенная под училище, приняла праздничный вид.

Всюду красовались флаштки, убранные гирляндами цветов. Тут же перед главным входом виднелась красивая арка, роскошно декорированная флагами и цветами.

На площади, недалеко от места закладки, в виде почетного караула выстроились воспитанники кадетского корпуса (юнкера еще не были приняты в училище. — *Авт.*).

У портика будущего главного здания раскинут шатер с экзотическими растениями.

На торжестве закладки присутствовал главный начальник артиллерийских училищ генерал-лейтенант Чернявский, помощник командующего войсками Одесского военного округа генерал Эбелов, инспектор стрелковой части генерал-лейтенант Кабаков, городские власти, весь местный генералитет, начальники отдельных воинских частей, штаб, офицеры и морские офицеры с военной яхты «Алмаз» (на ней Великий князь отправился в Крым. — *Авт.*), много дам.

Кроме того, присутствовали специально прибывшие на торжества закладки артиллерийского училища представители Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ.

Около 11 часов 30 минут прямо с вокзала в автомобиле прибыл на торжества Великий князь Сергей Михайлович совместно с командующим войсками генералом Никитиным в сопровождении своих адъютантов.

Поздоровавшись с генералитетом, Великий князь направился в палатку, где Высокопреосвященным епископом Одесским и Херсонским Назарием совместно с соборным и военным духовенством и архиерейскими певчими был отслужен молебен.

После богослужения владыка произнес подобающее торжеству слово. Затем состоялась закладка главного здания и церкви артиллерийского училища. В особом углублении была замурована металлическая дощечка с соответствующей надписью.

Первый кирпич был положен Великим князем. Вслед за этим Великий князь в сопровождении начальника артиллерийского училища генерала А.А. Нилуса и других военных начальников подробно осмотрел возведенные на площади здания, предназначенные для нужд учи-

⁵ Генерал-лейтенант Владимир Николаевич Никитин, участник обороны Порт-Артура, родился в 1848 году. Образование получил в кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище, которое окончил в 1868 году. В 1877 году в звании капитана принял участие в войне с Турцией. Во многих сражениях огнем своих орудий заставлял неприятеля покидать свои позиции, чем способствовал успешному решению задач пехоты. Наградой ему были: золотая сабля, четыре боевых ордена и звание подполковника. За отличие при обороне Порт-Артура генерал-майор В.Н. Никитин был награжден четырьмя боевыми орденами и произведен в генерал-лейтенанты. После русско-японской войны командовал сначала артиллерией 1-го артиллерийского корпуса, затем этим корпусом. В 1910 году назначен командующим войсками Иркутского военного округа, а в 1912 — Одесского.

лица, кирпичные кладки других начатых построек и интересовался проектами и планами всех намеченных зданий училища.

Подойдя к отдельному столу, сервированному для рабочих, Великий князь пожелал рабочим успешно закончить постройки.

После этого Великий князь и присутствовавшие на торжествах лица были приглашены в раскинутые на особом возвышении шатры, где для них был сервирован роскошный завтрак (более чем на 300 персон для строителей и гостей. – *Авт.*), во время которого было произнесено много тостов.

В заключение торжества был оглашен текст телеграммы, отправленной от имени всех присутствующих Государю Императору. Перед отъездом на пристань Великий князь Сергей Михайлович снялся в общей группе с присутствующими на торжествах закладки военными лицами».

В память данного события был изготовлен фотоальбом, имеющий официальное название: «В память закладке Одесского артиллерийского училища имени Его императорского Высочества князя Сергея Михайловича 22 июня 1913 года от писаря Одесского окружного интендантского управления Федора Васильева, года Одесса». Единственный сохранившийся экземпляр альбома в настоящее время хранится в Военно-историческом музее артиллерии инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

Великий князь Сергей Михайлович согласился стать шефом нового училища, и как указано в приказе военного министра генерал-адъютанта В.А. Сухомлинова по Главному артиллерийскому управлению № 99 от 13 марта 1913 года: «Государь Император в 4 день марта 1913 года Высочайше повелеть соизволил: Наименовать формируемое 3-е артиллерийское училище в городе Одессе – «Сергиевским артиллерийским училищем» – в честь Августейшего Генерал-инспектора Артиллерии Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Михайловича».

Замысел архитектурного комплекса училища и решение проблем строительства

Архитектурный комплекс училища сформирован по строгой функционально-планировочной схеме, типичной для военно-учебных заведений дореволюционной России. Центральное здание было рассчитано на восприятие со стороны улицы. Его трехэтажные крылья объединены общим узлом вертикальных коммуникаций – широкой трехмаршевой лестницей с парадным порталом. К торцевым фасадам каждого примыкал двухэтажный объем подчиненного значения.

В объем правого крыла была встроена домовая церковь. Здания строились в традициях официального «псевдорусского» направления зодчества. Основополагающие элементы интерьера «вынесены» на фасады и стилизованы в духе фортификационных сооружений России XVI–XVII вв., в частности Московского Кремля.

Строилось училище инженером Василием Федоровичем Трепке. По утвержденному проекту главное здание училища выстроено в виде буквы «Ш». Лицевая сторона центрального корпуса обращена в сторону Большой Фонтанской дороги.

Для строительства использовался высококачественный кирпич фирмы «Д. Бланкъ». На первом этаже размещались учебные классы с учебными пособиями и образцами артиллерийского вооружения, в правом крыле первого этажа были размещены артиллерийский музей и спортивный зал. На втором и третьем этажах центрального корпуса, вдоль всей его длины, спроектирован сквозной широкий коридор, вдоль которого, справа и слева, располагались классные комнаты. Спальные помещения юнкеров находились на третьем этаже центрального корпуса и в боковых, северной и южной, частях пристроек. Каждое спальное помещение было рассчитано на 100 учащихся, там же находились помещения для хранения обмундирования, имущества и оружия. В центральной части здания на втором и третьем этажах размещалась училищная церковь на 500 человек с колокольной, которую венчал восьмигранный шпиль. В 1914 году на шпиле был установлен герб российской империи – двуглавый орел, изготовленный из листовой меди который в ночное время подсвечивался прожекторами. Орел был создан одесским скульптором Б.В. Эдуарде. В советское время орел был заменен звездой. Внутреннее помещение храма украшала позолоченная гипсовая лепнина, а стены были расписаны библейскими сюжетами мастерами Одесской художественной мастерской. В центральной части храма был установлен иконостас, за которым находилось огромное, в два этажа, витражное окно. Вход в храм осуществлялся с парадной трехмаршевой лестницы. В советское время лепнина, роспись и витраж были уничтожены, а в помещении храма был размещен музей истории училища. С тыльной стороны к центральному корпусу примыкало просторное светлое с высоким потолком помещение юнкерской столовой на 600 юнкеров, вход в которую осуществлялся также через парадную лестницу первого этажа центрального корпуса. Парадная лестница второго этажа вела в большой зал для балов и приемов, который располагался непосредственно над столовой. Над входом в зал находилась ложа для начальствующих лиц и гостей, а на противоположной стене, ложа для училищного оркестра. Благодаря большим окнам зал был хорошо освещен днем, а потолочная роспись, лепнина и большие хрустальные люстры предавали ему праздничную торжественность. В проемах между окон размещались ростовые портреты российских императоров. Во второй половине прошлого века зал использовался как кино-клуб училища.

В правом и левом окончаниях крыльев центрального корпуса устроены пристройки с маршевыми лестницами. В левом и правом окончании центрального корпуса были выстроены башни, в которых находились емкости довольно большого объема для хранения воды, так как Одесса регулярно испытывала проблемы с питьевой водой. Канцелярия училища, лазарет и

апартаменты начальника училища находились в двух двухэтажных зданиях, расположенных с северной стороны от центрального корпуса и соединенных с ним двумя закрытыми арочными переходами. На первом этаже размещалась училищная канцелярия, а на втором этаже приемная, рабочий кабинет с обширным балконом, комната отдыха и домовая церковь начальника училища, там же находился зал для служебных совещаний и библиотека. Во втором здании на втором этаже размещался лазарет. Такое же размещение административных помещений училища существовало и во второй половине прошлого столетия.

На крыше центрального корпуса размещались прожектора и учебные дальнометы, используемые для практических занятий. В училище имелась уникальная артиллерийская лаборатория по теоретическому исследованию правил артиллерийской стрельбы, внутренней и внешней баллистики.

Кроме этого в училище имелись своя хлебопекарня, банно-прачечный комбинат, конюшня, 15-метровый бассейн и аварийная электростанция. Внешний вид парадного входа в главное здания училища дополняли два артиллерийских орудия. Между главным зданием и Фонтанской дорогой размещался плац для проведения строевых и специальных занятий.

Одновременно со строительством основных зданий училища приходилось преодолевать различного рода препятствия по его оборудованию.

Долго, в частности, пришлось решать в городской думе и в управе вопрос о проведении канализации. Без этого могла быть задержка с открытием училища. И только благодаря активности и настойчивости генерала А.А. Нилуса, после длительных проволочек 17 июня 1913 года городская дума согласилась с высказанными им соображениями и положительно решила этот вопрос.

Организация учебного процесса и жизнедеятельности училища

Помимо строительства, а главное одновременно с ним, несмотря на затруднения, шла активная подготовка к началу занятий. Зарождалась жизнедеятельность нового училища. При установлении армейского и всего уклада также пришлось разрешать немало проблем. Исходя из предназначения училища, во многом подражать было некому и нечему, нередко приходилось быть оригинальными. Нужно было в первую очередь организовывать учебный процесс, а для этого в короткий срок пригласить преподавателей, выработать учебный план, спланировать занятия, оборудовать учебно-материальную базу, подобрать обслуживающий персонал и т.п.

Постепенно училище укомплектовывалось преподавателями и необходимым обслуживающим персоналом. Каждому необходимо было решать задачи по организации учебного процесса и обустройству училища. Все трудились с небывалой энергией, неутомимостью, бодростью духа и неукротимым рвением, ежедневно, с раннего утра до позднего вечера. Все это способствовало успешному доведению до конца начатого дела.

Штат офицерского состава и его денежное содержание был определен приказом военного министра № 395. В начале августа 1913 года начали прибывать первые офицеры-воспитатели и преподаватели, прошедшие тщательный отбор. Квартирами они не обеспечивались, т.к. училище не располагало квартирным фондом. Жили они на частных квартирах и им выдавалась денежная компенсация.

5 августа из разных частей прибыли 122 солдата для формирования команды обслуживания училища. В нее входили ездовые для ухода за конским составом во главе со сверхсрочником-подпрапорщиком Смеловым, машинисты дизельной электростанции, повара. Портные, сапожники, трубачи. Частично обслуживающий персонал был из вольнонаемных.

27 октября были зачислены служители при батарее, лазарете, классные служители с жалованием от 15 до 25 рублей в месяц. Вахтером стал отставной прапорщик команды нижних чинов Константиновского артиллерийского училища Николай Кухтин. Его жалование составляло 50 рублей. Из 120 полученных училищем лошадей 42 предназначались для юнкеров, 10 – для офицеров, 3 – для трубачей, 53 упряжных артиллерийских, 12 рабочих.

Весной 1913 года во многих газетах, на видных местах средних мужских учебных заведений по распоряжению Министерства народного просвещения были помещены извещения о вновь открываемом в Одессе Сергиевском артиллерийском училище и правила приема в него.

Для сведения желающих поступить в училище по конкурсному экзамену были приведены главные данные о назначении, организации и устройстве нового училища.

14 августа приказом начальника училища была назначена экзаменационная комиссия для приема, окончивших гражданские средние учебные заведения, и подавших заявления для поступления в младший класс (1-й курс) училища. Председатель комиссии – исполняющий обязанности инспектора училища гвардии капитан Н.Г. Петрович. Экзамены проходили с 17 по 20 августа по всем разделам элементарной математики и физике, принимали их подполковник В. Ракитин, капитаны Н. Казьмин и Г. Миончинский, фон Отто, С Гайдановский-Потапович. Все поступающие прошли предварительный медицинский осмотр.

21 августа был объявлен список первых 50 человек, принятых в младший класс (в том числе 13 одесситов). Из пяти экзаменов средний балл – 12 был только у одного Александра Цымбалюка из Кременчуга, 9 баллов – у 6 человек. 17 сентября были зачислены в училище 28 бывших кадетов (в том числе 4, окончивших Одесский кадетский корпус). В числе принятых были 4 молодых человека, которые сдавали экзамены в Михайловской артиллерийской академии для поступления в столичные артиллерийские училища. После сдачи вступительных экзаменов им было объявлено о возможности поступить и учиться в новом Одесском артил-

лерийском училище, которое будет готовить юнкеров к службе офицерами преимущественно в крепостной (сухопутной и береговой), тяжелой полевой артиллерии.

По своему социальному происхождению большинство юнкеров были из служащих и интеллигенции. Был один потомок грузинских князей, барон, сыновья известного артиллерийского генерала и адмирала. Были и иностранные подданные – два болгарина и черногорец.

Приказом начальника училища № 32 от 22 августа 1913 года к руководству и исполнению объявлялись права, обязанности и порядок подчиненности чинов училища. С 15 августа между семью офицерами устанавливается дежурство по училищу по очереди, разработана инструкция дежурному.

20 сентября санитарная комиссия подробно осмотрела все помещения училища и составила акт их готовности к использованию.

Зачисленные в училище юнкера были обмундированы, их обучали строевой выправке. Разместили воспитанников училища временно в трехэтажном флигеле для служителей, расположенном сзади строящегося главного корпуса. Там же были классы и кабинеты. Там и учились и молились, но задача была выполнена – родилось первое в своем роде училище осадной и крепостной артиллерии. Там и прошел первый год жизни и учебы юнкеров.

Открытие училища

25 сентября (8 октября по новому стилю) 1913 года в день храмового праздника Святого Сергия Радонежского⁶ и тезоименитства Его Императорского Высочества, Великого князя Сергея Михайловича состоялось торжественное открытие училища.

Был зачитан приказ об открытии училища и присвоении ему наименования «Сергиевского». Великий князь Сергей Михайлович с этого дня становится шефом училища. На погонах юнкеров появилась, выполненная славянской вязью буква «С» под Великокняжеской короной.

Накануне торжества прибыл из Санкт-Петербурга начальник Михайловской артиллерийской академии и артиллерийских училищ генерал от артиллерии В.Т. Чернявский, начальник Михайловского артиллерийского училища генерал-майор П.П. Караган, командир батареи Константиновского артиллерийского училища подполковник Бутыркин. На вокзале их встречали инспектор классов подполковник Н.Г. Петрович, другие офицеры и два юнкера.

Депутации привезли в дар училищу большую икону Святого Сергия и Николая Чудотворца, которые были освящены во время молебствия.

В день открытия училища после божественной литургии во дворе соседней с училищем церкви 4-й стрелковой бригады были построены все юнкера и офицеры для представления командующему войсками округа генералу В.Н. Никитину. После чего состоялся общий завтрак.

В поздравительной телеграмме император Николай II пожелал Сергиевскому артиллерийскому училищу идти по стопам Михайловского и Константиновского училищ. Поздравляя весь личный состав созданного училища с днем его рождения, Великий князь Сергей Михайлович пожелал первенцам-питомцам счастья и успеха в предстоящей трудной работе и высказал напутствие: «В добрый час на страх врагам».

Генералы В.Т. Чернявский и А.А. Нилус выразили в ответ уверение в непреклонной готовности приложить все усилия учащихся и учащихся, дабы новое училище давало знающих и усердных работников-офицеров на процветание и славу родной артиллерии.

На имя училища были получены также телеграммы от военно-учебных заведений и воинских частей из многих городов.

Это день стал официальным праздничным днем училища.

⁶ Сергий Радонежский – русский церковный и политический деятель XIV в., один из основателей Троицкого монастыря (года Загорск), его первый игумен (настоятель). Был в тесных связях с Великим князем Дмитрием Донским, помогал ему в подготовке Куликовской битвы. Умер 25 сентября 1391 года, похоронен в основанном им монастыре, канонизирован (причислен к святым) Русской православной церковью.

Форма одежды юнкеров Сергиевского артиллерийского училища

На основании указа Николай II от 19 мая 1913 года приказом военного министра № 308 от 14 июня 1913 года училищу была определена форма обмундирования по образцу Михайловского артиллерийского училища, но с вензельным изображением имени Великого князя Сергея Михайловича на эполетах и погонах.

Форма одежды включала: парадную, обыкновенную, служебную и домашнюю. Особенно красива была парадная форма: двубортный мундир из черной шерстяной ткани с черным бархатным воротником и такой же ткани укороченные шаровары, черный кожаный поясной ремень и бляха желтого металла с изображением государственного герба в виде двуглавого орла над скрещенными орудийными стволами, высокие сапоги со шпорами, кивер гвардейского образца с помпоном и кистями, белые замшевые перчатки и шашка артиллерийского образца. Края воротника и обшлага обшивались тесьмой цвета золота. Для Сергиевского училища как и для всех артиллерийских училищ был установлен желтый приборный металл. Края воротника, обшлагов, клапанов задних карманов и борт мундира имели красную выпушку. Комплекты обмундирования как парадного, так и несоответствующего времени года хранились в цейхгаузе. Там же хранились карабины и наганы. Шашки (личное холодное оружие) было на руках у каждого юнкера и надевались в наряд, на строевые занятия и обязательно при увольнении в город. Хранились они в изголовье кровати на крючках под дощечкой с личным номером и фамилией каждого юнкера.

Этим же приказом для юнкеров Сергиевского училища были установлены погоны алого цвета, которые по юнкерскому образцу обшивались по краю (кроме нижнего) желтым басоном с продольной алой полосой. На погоны было установлено желтое вензелевое изображение имени Великого князя Сергей Михайловича в виде буквы «С», выполненной славянской вязью, помещенной под великокняжеской короной.

Юнкера очень гордились своими погонами и считали их корпоративным символом училища. По мнению бывшего юнкера С. Приклонского, «обмундированы юнкера были хорошо, можно сказать даже излишне хорошо».

Форма одежды офицеров Сергиевского училища была так же утверждена императором по образцу Михайловского артиллерийского училища. Парадный двубортный офицерский мундир был установленного «царского» сине-зеленого цвета, шерстяные штаны черного цвета заправлялись в сапоги. Мундир подпоясывался офицерским поясом-кушаком. На черном бархатном воротнике и обшлагах мундира имелось шитье особой формы в виде двух плетений золотым шнуром. На погонах и эполетах также была установлена буква «С». Спереди на офицерских и юнкерских киверах крепился особый знак военно-учебных заведений в виде орла с опущенными крыльями в сиянии лучей восходящего солнца, а по обоим бокам кивера крепились знаки артиллерии в виде двух перекрещенных артиллерийских ствола желтого металла. Офицерам полагались шпоры и офицерская сабля.

По образцу Михайловской артиллерийской академии, Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ, было установлено наружное корпоративное отличие, связывающее неразрывными товарищескими узами всех питомцев Сергиевского училища.

Так, 4 марта 1913 года для выпускников Сергиевского училища Николаем II был утвержден нагрудный училищный знак в виде серебряного двуглавого орла под императорской короной, который держит в лапах скрещенные орудийные стволы. На груди орла расположен щит красной эмали, в центре которого изображен Георгий Победоносец и на всей плоскости орла

наложена буква «С» из желтого металла⁷. В период Временного правительства и украинизации училища знак остался прежний, но только с орлов была убрана императорская корона.

Нагрудные знаки для выпускников военных училищ были утверждены в начале века: Константиновского артиллерийского – 23 декабря 1906 года, Михайловского – 7 марта 1911 года. Каждое училище имело свой особый знак, непохожий на другие. В отличие от академических, училищные знаки носились на левой стороне груди.

⁷ Первые корпоративные знаки были утверждены в русской армии для офицеров-выпускников Николаевской академии Генерального штаба, Михайловской артиллерийской и Николаевской инженерной академии приказом Военного министра № 3170 от 14 июня 1886 года. Носили знак на правой стороне груди за бортом.

2. Становление учебного процесса

После торжественного открытия училища для 120 принятых в училище юнкеров начались интенсивные учебные будни. Для проведения занятий в училище требовалось сформировать тяжелый дивизион двухбатарейного состава с постоянной конной запряжкой. Организована была только одна батарея. На вооружении тяжелой полевой батареи в составе двух взводов состояли два орудия 42-х линейных полевых скорострельных пушек системы Шнейдера-Крезю и две тяжелых полевых 6-ти дюймовых гаубицы Путиловского завода.

В училище имелись также основные образцы орудий крепостной и осадной артиллерии, со всей относящейся к ним материальной частью и со всеми необходимыми приборами и приспособлениями для обслуживания, установки, перевозки и стрельбы.

Командиром дивизиона был назначен генерал-майор Д.Н. Промтов, командиром единственной тогда батареи – подполковник Л.П. Круссер, командирами взводов – штабс-капитаны Г.Т. Миончинский, В.А. Петерсон, В.Н. Мамушкин, В.Н. Протопопов.

Юнкера были разделены на четыре класса-взвода. Несмотря на сложности организационного периода, они были обеспечены всем необходимым для жизни, обучения, строя. По табелю денежных сумм на обмундирование юнкеров тратилось 16400 рублей. Расходы на столовое довольствие исчислялись по стоимости суточного пайка и ежегодно утверждались Военным советом.

Училищу выделялись деньги на оплату преподавателей, обучающих юнкеров гимнастике, фехтованию, плаванию, танцам, пению и музыке.

«Стол был простой, – вспоминал бывший воспитанник С. Приклонский, – без излишеств, но вкусный и питательный».

Вот обеденное меню в один из обычных дней: кислые щи с кашей, шницель с жареной картошкой (вес шницеля в сыром виде около 100 граммов), пирожное. Работал буфет, где вечером можно было посидеть, попить чай и кофе. Никаких стипендий или денег училище не выдавало. И только при производстве в офицеры четверем лучшим юнкерам казна выделяла 4 стипендии: одна – 300 и три по 200 рублей.

Курс обучения был установлен в три года. Учебный план Сергиевского училища отличался от учебных планов Михайловского и Константиновского училищ только по специфическим дисциплинам и предусматривал изучение закона божьего, иностранных языков (немецкого и французского), истории, военного законодательства, алгебры, дифференцированного и интегрального исчисления, аналитической геометрии, механики, физики, химии, артиллерии (управление огнем артиллерии), общей тактики, тактики артиллерии, артиллерийского черчения, артиллерийской администрации, фортификации и топографии.

По типовой программе в течение каждой недели юнкера должны были изучать: артиллерию – 10 часов, фортификацию – 5 часов, тактику – 6 часов, топографию – 3 часа, законоведение – 1 час, администрацию – 1 час, иппологию (науку о лошадях. – *Авт.*) – 1 час, артиллерийское черчение – 2 часа, закон божий – 2 часа, аналитическую геометрию – 4 часа, дифференциальное исчисление – 4,5 часа, интегральное исчисление – 5,5 часов, механику – 3 часа. На практические занятия выделялось: по математике – 6,5 часов, химии – 7 часов, физике – 4 часа, русскому языку – 4 часа, французскому языку – 1,5 часа, немецкому языку – 1,5 часа.

Кроме того, в старшем классе (3-й курс) 10 часов в неделю отдавалось для практических занятий по физике и электротехнике. В течение зимнего периода велись строевые занятия, направленные на обучение юнкеров всем отделам службы при орудиях всех видов артиллерии, стрельбе из орудий на полигонах (летом в лагерях), обращению со всеми употребляемыми на службе приборами, конному строю, езде в орудийной упряжке, верховой езде. Детально изуча-

лась материальная часть орудий всех имеющихся систем, уставы. Большое внимание уделялось строевой выправке, гимнастике и фехтованию. Обучали юнкеров также музыке и танцам.

Система классных занятий была лекционной со сдачей семестровых зачетов и переводных экзаменов. Курс артиллерии читал начальник училища генерал А.А. Нилус, тактику и военную историю офицеры Генерального штаба из штаба округа (капитаны И.И. Жолинский, В.А. Палицин), высшую математику и иностранные языки вели преподаватели Новороссийского университета (профессор А.В. Ры-стенко, доктор философии К.И. Штауб, приват-доценты А.Г. Коншин, Д.А. Крыжановский, коллежский советник М.Э. Помпей), закон божий – протоирей отец Федор Миляновский и ксендз И.М. Эресман, фортификацию и топографию – полковник Александр Александрович Нилус (брат начальника училища). Гимнастику и фехтование преподавал штабс-капитан Б.Б. Деполини, верховую езду К.Ф. Гавликовский. Уставы, строевую подготовку, стрельбу из личного оружия вели командиры взводов.

За преподавание уставов, обучение юнкеров музыке и другие дополнительные нагрузки офицеры получали вознаграждение в размере 10 рублей в месяц.

Для обеспечения практического изучения артиллерийского дела во всей его совокупности, училище было снабжено собственной электростанцией, двумя башнями для работы с прожекторами и дальномерами, беспроводным телеграфом, особой артиллерийской лабораторией, химическими и физическими кабинетами, музеем (артиллерии), библиотекой.

Обычно день училища заполнялся тремя часами строевых занятий (их смысл и содержание заметно отличается от нашего сегодняшнего представления о строевых занятиях) и пятью часами лекций. Вечером проводились репетиции, зачеты, самоподготовка. Какие-либо культурно-массовые мероприятия не организовывались. Существовала лишь библиотека, да по воскресеньям строем водили в церковь 4-й стрелковой бригады, которая находилась рядом с училищем. Увольнение давалось два раза в неделю. В будни – с 17 до 23 часов, в воскресенье – с 12 часов. Желая сходить в театр увольнялись до 00 час 30 мин с представлением использованного театрального билета.

Быт юнкеров резко отличался в зависимости от училища. В пехотных училищах процветала самая беспросветная муштра и во время занятий и вне их. Там выше всего ставилось «печатание с носка» и лихость в строевой подготовке. Нередко допускалось унижение человеческого достоинства. Младший юнкер был совершенно незащищен перед произволом старшего.

У артиллеристов традиции были иными. В основу взаимоотношений даже между офицерами и юнкерами было положено доверие и вежливость. Власть портупей-юнкера, старшего – оканчивалась с выходом из строя. Вне его все были равны. Считалось нежелательным наложение младшими командирами-юнкерами дисциплинарных взысканий на своих товарищей строже замечания и выговора. Дисциплина и порядок поддерживались неукоснительно общественным мнением. Были, конечно, и нарушения дисциплины, и даже грубые, но это было исключением. Все юнкера дорожили честью своего отделения, взвода, батареи, училища. Гордились тем, что они были выше по объему образования, культуре, чем юнкера пехотного училища. Из отчужденности училищ нередко происходила рознь и даже некоторое пренебрежение юнкеров, а затем и офицеров друг к другу. Бывало, что рознь эта переходила с офицерами и в солдатскую массу армии, хотя вернейшим залогом успеха в бою и взаимовыручке является взаимопонимание и доверие друг к другу.

В училище постепенно налаживалась внутренняя служба. Общими усилиями укреплялась воинская дисциплина. Поведение нескольких юнкеров, выразившееся в «умышленном коллективном противодействии требованиям начальства» (ношение шпор в городе), было рассмотрено на дисциплинарном комитете училища.

За повторное нарушение дисциплины юнкер А. Корнак (после приказа по училищу вновь был замечен на Дерибасовской в шпорах) был переведен в 3-й разряд по поведению и лишен

отпуска до особого распоряжения. Не был отчислен из училища он только потому, что хорошо учился и имел благоприятные отзывы из среднего учебного заведения. Серьезно наказывались юнкера за брань, которая квалифицировалась как «совершенно непозволительное» явление. Начальник училища в одном из приказов обратил внимание на недопустимость взаимоотношений подобного рода в военной среде вообще и, в особенности при исполнении служебных обязанностей. За самовольную отлучку и обман один из юнкеров был арестован на 7 суток.

В пятницу, 6 декабря 1913 года в манеже училища перед фронтом 4 орудийной батареи, стоящей развернутым строем по два взвода, в присутствии всего офицерского состава, юнкера были приведены к присяге.

После присяги юнкера уже в своих отделениях в присутствии офицеров расписались в присяжных листах. В них стояли также подписи священнослужителей, приводивших юнкеров к присяге и всех офицеров батареи. Одновременно были приведены к присяге и воспитанники иноверческих исповеданий их служителями, о приглашении которых позаботился адъютант училища штабс-капитан С.А. Берегов.

По этому случаю, и принимая во внимание сложные условия жизни юнкеров, начальник училища по согласованию с офицерами снял ранее наложенные взыскания.

Вечером этого же дня состоялся первый училищный бал. Как видим, начальник училища генерал А.А. Нилус совместно с командным и преподавательским составом делали все возможное, чтобы юнкера как можно скорее усвоили славные традиции Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ.

20 декабря в приказе по училищу были подведены первые итоги учебы и дисциплины, объявлялось о награждении семи офицеров орденами. Среди них капитан Н. Казьмин, штабс-капитаны С. Берегов, Н. Гавликовский, С. Миончинский, подполковник И. Бутович. Оценивая сделанное, генерал А.А. Нилус писал позднее, что своей кипучей деятельностью, неутомимой энергией, знаниями, инициативой, а главное – дружным напором, были преодолены все препятствия и с первых же дней открытия «колесо училищной жизни завертелось так равномерно и плавно, как будто бы оно вертелось уже давно».

А через несколько дней юнкера разъехались на рождественские каникулы, 86 из них – за город.

Наступил 1914 год – год серьезных испытаний, год начала Первой мировой войны.

В течение первого полугодия и начала второго был организован лагерный сбор в Очакове, проведен второй набор, сформирована вторая батарея, завершено строительство и обустройство главного здания. Под руководством генерала А.А. Нилуса коллектив училища почти с полным штатом личного состава успешно решал поставленные задачи. Строитель училища военный инженер Слушко-Цяпинский был награжден орденом Святой Анны II степени.

Следует отметить, что главное внимание руководством училища, преподавателями, командирами подразделений уделялось учебе, выработке у юнкеров сознательного к ней отношения, добросовестности, активности и системности в работе.

В одном из приказов начальник училища выразил негативное отношение к шпаргалкам. Замечались случаи предосудительного обращения юнкеров к помощи заранее составленных записок и другим неприглядным мерам. Разъяснялось, что подобные действия ведут к совершению тройного обмана. Обман преподавателя, во-первых. Обман товарищей, во-вторых, так как налицо была попытка приобрести одинаковые с ними права без должного труда и усердия. И, в-третьих, обман самих себя, так как не приобретя необходимых знаний рано или поздно человек попадает в затруднительное положение. Это не только на экзаменах, где обман обнаруживается и нередко приводит к нежелательным результатам. Сама жизнь строго наказывает таких людей.

В училище публично осуждались различные способы самоукрашения, к которым хотя и редко, но прибегали некоторые юнкера. Например, они брали пример с гимназистов, которые вынимали каркас из своих форменных фуражек и лихо заламывали их.

В оценке этих случаев обращалось внимание на то, что свою честь и достоинство нельзя ронять даже в мелочах. Кроме разъяснений о недопустимости порчи военного имущества, принимались меры к взысканию его стоимости.

На территории училища тем временем шло интенсивное строительство. Возобновленные с новым строительным сезоном весной 1914 года наружные работы велись усиленными темпами. Наблюдение за работами по постройке всех зданий продолжала вести строительная комиссия. Во избежание несчастных случаев запрещался вход в неоконченные строения и неотделанные здания. Завершение работ и открытие всех помещений училища предполагалось к осени.

Переводные экзамены (сессия) были проведены с 20 марта по 12 мая, включая две недели пасхальных каникул.

После переводных экзаменов началась интенсивная подготовка к проведению практических стрельб. Для обеспечения прикладного способа получения необходимых современному офицеру знаний было пересмотрено «Наставление для офицерских занятий». Кроме военной игры, решения практических задач на картах и в поле, было обращено особое внимание на подготовку сообщений в офицерских собраниях по различным отраслям военных знаний, для более широкого ознакомления офицеров с военной техникой и особенностями всех видов войск. Офицеры училища активно привлекались к деятельности военно-исторического общества и общества ревнителей военных знаний.

Для усвоения офицерами училища правил стрельбы проводились научные сообщения, собеседования. Делился своими исследованиями по теме диссертации о теоретических основах пристрелки и стрельбы береговой артиллерии полковник Н.Г. Петрович. Летом 1915 года без защиты (в связи со сложностями военного времени) ему было предоставлено право преподавания в артиллерийской академии.

За труды в комиссии по разработке уставов полевой артиллерии была объявлена высочайшая благодарность командиру дивизиона генерал-майору Д.Н. Промтову, который в июле был назначен председателем временной хозяйственно-строительной комиссии для постройки и оборудования четвертого училища в Киеве.

Перед отъездом начальник училища выразил ему сердечную, искреннюю и глубокую благодарность за труд, вложенный в общее дело становления училища.

В конце июня командиром дивизиона был назначен полковник И.М. Леонтовский, которому вскоре было присвоено звание генерал-майора.

В конце апреля 1914 года в училище отметили 35-летие службы в артиллерии начальника Михайловской артиллерийской академии и артиллерийских училищ генерала от артиллерии В.Т. Чернявского. Юбиляру были посланы теплые слова поздравления и пожелания успехов в деле подготовки нового поколения артиллеристов.

Это было не просто мероприятие, посвященное старшему начальнику, это было мероприятие, оказавшее большое воспитательное воздействие на молодых людей, связавших свою судьбу с артиллерией.

В первых числах июня 1914 года в Одессе ожидался приезд Николая II с семьей. На всевозможные украшения отцы города ассигновали 40 тысяч рублей.

Изящно были убраны строящиеся корпуса училища. Большие транспаранты были украшены вензелями с царскими инициалами и государственным гербом. Вечером в городе состоялся грандиозный фейерверк.

«Да, Одесса, если захочет, то может быть и нарядной красавицей, – оценивали преобразившийся город в местных газетах. Конечно, никто не припомнит ей в этот момент ее обычно запущенного, неряшливого вида, которым она обязана своим неграмотным хозяевам».

На императорский смотр четырех военно-учебных заведений (Одесских – Сергиевского артиллерийского, пехотного и кадетского корпуса, Елизаветградского кавалерийского), была назначена батарея юнкеров в 48 рядов под командованием полковника Л.П. Круссера. Все проверяемые подразделения получили высокую оценку и были поощрены.

Большим достижением была подготовка к первому лагерному сбору в Очакове, который начался 11 июня 1914 года. Напутствием послужила телеграмма Великого князя Сергея Михайловича: «От души желаю Сергиевцам счастливого лагеря. Надеюсь, что первый лагерный сбор послужит прочным фундаментом стрелковой подготовки будущих артиллеристов».

Перевозка осуществлялась на специально предназначенном для этого пароходе с материальной частью артиллерии, лошадьми, обозом и другими грузами. Размещались в Очакове в казармах, принятых от 7-го мортирного дивизиона. На лагерный период ставилась задача ликвидации неизбежных пробелов в специальной артиллерийской подготовке юнкеров, вызванных исключительной обстановкой и условиями, в которых приходилось работать на зимних квартирах.

Именно поэтому максимум внимания уделялось подготовке к стрельбам. Юнкера подолгу занимались в артиллерийском парке, изучали матчасть, обязанности номеров орудийных расчетов, особенности действия полевой, крепостной и береговой артиллерии. Много времени занимала вольтижировка, верховая и орудийная езда.

Лагерные условия обеспечивали исключительную возможность заниматься физической подготовкой. Юнкера приобретали навыки саперных работ, учились фехтовать, метко стрелять из револьвера и винтовки, несли внутреннюю и караульную службы. В лагере был выставлен унтер-офицерский караул на 3 поста (2 – в парке и 1 – у лагерного фронта). Для наблюдения за порядком назначались: дежурные по батарее, кухне, читальной комнате, помощник дежурного по кухне и восемь дневальных. Суточный наряд назначался от одного учебного отделения.

При проведении боевой стрельбы юнкера работали в качестве орудийной прислуги как тяжелой и легкой полевой, так и крепостной и береговой артиллерии. Но, самое главное, получали практику в пристрелке целей (морских и наземных) и корректировании стрельбы на поражение.

Успешной практической подготовке способствовал лагерный распорядок дня. Подъем был в 6 утра. После молитвы и утреннего чая с 7 часов 15 минут до 12 часов – занятия с небольшим перерывом для купания. После обеда и отдыха в 17 часов был полдник, а затем занятия до 19 часов 45 минут. В 20 часов 15 минут – проверка, затем ужин и время для занятий спортом. В это время можно было ложиться спать.

В 23 часа объявлялся отбой. Юнкерам разрешалось пить собственный чай в столовой с 13 часов до 16 часов 30 минут и с 21 часа до 22 часов 30 минут. В жаркие дни купание разрешалось до обеда 2 раза. В воскресенье подъем был в 8 утра, занятий не было. Можно было заниматься по своему усмотрению.

К сожалению, первый лагерный сбор, преждевременно прерванный начавшейся войной, не смог полностью обеспечить решения поставленных задач, достичь желаемых результатов, поскольку не все запланированные стрельбы были проведены.

Предполагалось, что с полученной, хотя и недостаточной, практической подготовкой, молодые офицеры уже в частях в короткое время при добросовестном отношении к делу смогут завершить артиллерийское образование, не уронить чести и репутации училища, стать полезными для артиллерии.

Училище возвратилось в Одессу. Учеба и работа были продолжены уже в иных условиях – начался второй период в истории училища – военный.

3. Училище в годы Первой мировой войны

8 августа 1914 года были признаны мобилизованными центральные управления Военного министерства, подведомственные им управления и заведения, все военные училища.

Поступило распоряжение училищу приступить к ускоренным выпускам, увеличить штат юнкеров с 300 до 450, а затем и до 500 без расширения едва законченных помещений, и главное, почти без увеличения штата офицеров, классных чинов, обслуживающего персонала.

В связи с необходимостью ускоренной подготовки офицеров-артиллеристов и разработки временных учебных программ на военное время, в училище была создана специальная комиссия, членам которой было предложено заблаговременно продумать их и внести свои предложения. Общими усилиями были определены практические меры по подготовке к учебному году, новому набору юнкеров, формированию второй батареи.

11 августа 1914 года уже в главном здании училища начались занятия в младшем и среднем классах. Прекрасные, просторные помещения встретили юнкеров. Широкие коридоры, светлые классы радовали глаз, настраивали на серьезную работу, плодотворную учебу.

Помещения главного корпуса имели автономное электрическое освещение, были снабжены пароводным отоплением, вентиляцией и всеми приспособлениями в отношении удобств и соблюдении правил гигиены жизни.

По конкурсу аттестатов на 1-й ускоренный курс были зачислены 125 человек, в том числе 32 выпускника Одесских гимназий, морских, коммерческих и реальных училищ. В числе 10 вольноопределяющихся в список прикомандированных воспитанников и на столовое довольствие был зачислен рядовой 48-го пехотного запасного полка Иван Тимотиевич – будущий генерал-лейтенант артиллерии, начальник Одесского артиллерийского училища (1946-1954).

25 сентября 1914 года отмечалась первая годовщина рождения училища. На плацу перед фронтом орудий состоялся прием присяги юнкерами младшего класса.

В этот день были получены поздравления от Великого князя Сергея Михайловича, генерала В.Т. Чернявского и начальника Главного артиллерийского управления генерала Д.Д. Кузьмина-Караваева.

В связи с ускоренной подготовкой юнкеров, занятия в училище были спланированы ежедневно, кроме воскресений и девяти праздничных дней в году. Все что не касалось практической подготовки офицера-артиллериста, из программы было изъято.

В Одессе, как и по всей стране, во время войны были организованы благотворительные общества по сбору пожертвований в пользу действующей армии и инвалидов войны. В конце сентября 1915 года в городе на пожертвования граждан был открыт лазарет для раненых солдат. Одной из кроватей было присвоено наименование «кровать имени Сергиевского артиллерийского училища» и содержалась она на отчисления из денежного содержания офицеров, юнкеров, солдат училища.

Глубокой осенью 1914 года в частях гарнизона участились случаи заболевания брюшным тифом. В училище были предприняты особые меры по соблюдению чистоты. Юнкерам было приказано пить кипяченую воду.

6 ноября 1914 года Военный совет утвердил и ввел в действие «Положение об ускоренной подготовке офицеров в военное время в специальных военно-учебных заведениях с восьмимесячным ускоренным курсом». Позднее этот срок был доведен до четырех месяцев.

Увеличение набора, привлечение в училище для подготовки офицеров представителей разных слоев общества, заставило правительство обратить внимание на политическую благонадежность поступающих. При этом департамент полиции, обращаясь к губернаторам и градоначальникам, просит принять меры к тому, чтобы справки, необходимые для скорейшей

выдачи свидетельств о политической благонадежности поступающих в военно-учебные заведения, «наводились безотлагательно вне очереди».

9 декабря на 2-й ускоренный курс принимаются 130 человек, в том числе 28 одесситов.

Юнкера активно изучают материальную часть артиллерии, действия при орудиях, их подготовку к стрельбе, уставы, вопросы организации связи, артиллерийской разведки. Тренируются в верховой езде с орудиями, стреляют из винтовок и револьверов, занимаются строевой подготовкой. Идет решительная борьба с нарушителями дисциплины. «Аресты в училище раздавались щедрой рукой, вспоминал бывший юнкер Н.Л. Кекушев, – в особенности за нарушение порядка в процессе обучения верховой езде. Редакция приказов осталась у меня до сих пор в памяти, столь часто она повторялась. "Юнкер такой-то арестовывается на трое суток за то, что во время обучения верховой езде намеренно упал с лошади, выпустил повод из рук, чем вызвал беспорядок в обучении смены"».

К 1 ноября 1914 года были закончены внутренние работы в офицерских квартирах трех флигелей и большинство офицеров туда переехало.

Увеличение численности юнкеров и сокращение срока их обучения, отсутствие возможности дальних выездов на практические занятия остро ставило вопрос о необходимости прирезки к усадьбе училища городской земли для размещения учебной батареи и тира для стрельбы. По ходатайству начальника училища его обсуждали в городской думе.

Следует отметить, что в этот период руководство училища активно ведет патриотическую работу. Так, начальник училища генерал А.А. Нилус целенаправленно налаживал контакты с известным одесским художником-скульптором «действительным членом императорского русского военно-исторического общества, по высочайшему повелению строителем памятников генералиссимусу А.В. Суворову на Рымникском поле и Измаиле» Борисом Васильевичем Эдуардсом (Эдвардсом). После длительной переписки и личных контактов генерала А.А. Нилуса с Б.В. Эдуардсом было заключено соглашение об изготовлении для шпиля главного здания училища орла с крестом и шаром. Работа была оценена в 1906 рублей 50 копеек.

В конце 1914 года двуглавый орел с крестом и шаром, изготовленный из литой бронзы, имеющий изнутри электрическую подсветку, был установлен на центральной башне главного здания училища. Правда, красовался он там недолго. После февральской революции в апреле 1917 года Одесский совет рабочих и красноармейских депутатов рассмотрел вопрос о памятнике Екатерине II и снятии изображений орла как символа Российской империи.

В связи с подготовкой к 60-летию Крымской войны руководством училища была проведена всесторонняя активная работа по обоснованию необходимости сооружения в Одессе памятника героическому защитнику города прапорщику А.П. Щеголеву.

История, причины и последствия бомбардировки Одессы англо-французской эскадрой 10 апреля 1854 года хорошо изложены в ряде монографических работ^{8 9}. Это героическая страничка в истории города. Безусловно, начальник училища А.А. Нилус не мог не использовать ее в воспитании будущих офицеров-артиллеристов. Считаем уместным рассказать об этом подвиге более подробно.

В указанный день в 6.30 часов утра девять неприятельских пароходов, вооруженных более 300 орудиями, начали обстрел береговых батарей города. Наши батареи были так слабо вооружены, что не могли отвечать на огонь неприятельских кораблей. Ядра нашей береговой артиллерии не долетали до них. Ввязалась в бой одна левофланговая батарея № 6, расположенная на оконечности Практического мола (невдалеке от современного морвокзала). Батареей командовал прапорщик А.П. Щеголев. В течение 6 часов вела неравный бой четырехорудийная батарея Щеголева. Необычайное мужество было проявлено рядовыми солдатами, фейервер-

⁸ Черемисинов В.М. Одесса в истории (см. № 120).

⁹ Тарле Е.В. Крымская война. 2-е испр. и доп. изд. М.-Л., 1950 (Академия наук СССР), том II. С. 2-3.

керами, отставными моряками, пришедшими на помощь батарее, жителями и даже арестантской командой, состоявшей из «безпаспортных» людей. Стоявшие близи суда были объаты пламенем, загорелась деревянная обшивка землянных укреплений батарей, огонь подбирался к пороховому складу, орудия были подбиты. Лишь после этого батарея замолчала.

Два французских фрегата «Вобан» и «Сампсон» получили серьезные повреждения.

Но главную потерю англо-французская эскадра понесла 30 апреля, когда сел на мель и был расстрелян нашей артиллерией один из лучших английских паровых фрегатов «Тигр». Французский адмирал Гамлен сигнализировал английскому адмиралу Дондасу: «Мы живо чувствуем потерю "Тигра", это также и для нас национальное несчастье».

Героизм русских артиллеристов при отражении нападения неприятельской эскадры на Одессу компенсировал растерянность командования гарнизона и общую отсталость в технических средствах.

С высокой долей вероятности можно утверждать, что этот подвиг артиллеристов при обороне Одессы в 1854 года в какой-то степени тоже обусловил положительное решение городских властей на учреждение артиллерийского училища в городе.

За «блистательную храбрость и самоотвержение» А.П. Щеголев высочайшей милостью был произведен в штабс-капитаны, а его грудь украсил орден Святого Георгия.

Предлагалось соорудить памятник А.П. Щеголеву именно на территории училища. Здесь перед глазами артиллерийской молодежи памятник был бы «наглядным примером артиллерийской доблести и почестей ей оказанных благодарным Отечеством и городом». Расположить памятник намеревались в сквере, рядом с артиллерийской батареей и название ей думали дать – Щеголевская.

Батарея и Щеголевский сквер, создали бы для памятника подходящую обстановку. Около училища располагалась тогда 15-я артиллерийская бригада, также родственная А.П. Щеголеву по роду оружия, и кадетский корпус, в котором готовили будущих юнкеров и офицеров, в том числе и для артиллерии.

Кроме того, по Среднефонтанской дороге, проходящей мимо училища, постоянно двигались войска, направляясь в лагерь, и для них памятник не мог не иметь воспитательного значения. Таким образом, памятник прапорщику А.П. Щеголеву мог быть наиболее видимым и наиболее посещаемым именно теми, для кого это более всего нужно и полезно.

Не лишалось возможности любоваться памятником и гражданское население, выезжающее летом на дачи. Это позволяло каждому хорошо знать историю героя-артиллериста, подвиг которого не мог не воодушевлять.

Расположенный на территории училища памятник, помимо украшения города, имел бы и наибольшее моральное и воспитательное значение. Все заботы по уходу за памятником, надзор за ним, содержание в порядке сквера училище брало на себя и город не имел бы никаких расходов и хлопот. Город не выделял бы средств и на ограду вокруг памятника, так как училище само планировало поставить красивую уникальную ограду из артиллерийских орудий. Эту ограду, сооруженную в 1914 году, мы и сегодня видим вдоль плаца училища по Фонтанской дороге (в советское время по улице Перекопской дивизии).

В качестве оградных опор, между которыми крепятся решетки, были использованы стволы боевых батарейных 107-мм пушек, образца 1877 года весом в 62,5 кг. Они были изготовлены на Обуховском заводе в Санкт-Петербурге и применялись в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., закончившейся освобождением болгарского народа от турецкого ига.

Наибольшая дальность стрельбы из этих орудий 5330 м, начальная скорость снаряда, весившего 12,7 кг, равнялась 370 м/сек. Для отливки решетки начальник училища еще в середине августа 1913 года через начальника артиллерии округа обратился с рапортом в Главное артиллерийское управление о выделении за плату 420 пудов железа из лома, находящегося

на Одесском артиллерийском складе. Через неделю было получено разрешение, подписанное генерал-лейтенантом Леховичем.

Обосновывая необходимость сооружения памятника А.П. Щеголеву, генерал А.А. Нилус напомнил о смерти в конце апреля 1914 года генерал-лейтенанта А.П. Щеголева и о долге Одессы и одесситов перед ним и защитниками города. Корреспондент одесских новостей с иронией заметил в те дни, что к столетию Крымской войны городское управление обязательно увековечит память о прапорщике А.П. Щеголеве и доблестных защитниках Одессы. Но, как известно, по многим причинам и этого сделать не удалось.

Город лишился памятника, посвященного одной из выдающихся страниц его славной 200-летней истории – трагическим событиям апреля 1854 года. Единственным памятником, напоминающим о бомбардировании Одессы англо-французской эскадрой и взятии парохода «Тигр» – двух событиях, близких по времени между собой и по месту, и по лицам, участвовавшим в них, является пушка, установленная на Приморском бульваре у здания бывшей городской думы. Это символ славы русского оружия, доблестных сынов Отечества. «Защитники города проявили стойкость и отвагу. Особенно отличилась батарея прапорщика А.П. Щеголева», – написано на памятнике.

К октябрю 1914 года в училище были присланы вакансии на распределение первых выпускников. В соответствии с ними были образованы три специализированные группы. Готовились, как говорили юнкера, «полевики», «крепаки» и «береговики».

20 ноября дисциплинарный комитет училища заслушал командиров батарей о предстоящем производстве в офицеры юнкеров среднего класса. Среди них был и юнкер, имевший боевой опыт – Георгиевский кавалер Николай Флоренский.

После года учебы, находясь в отпуске, юнкер Николай Флоренский не вернулся в училище, а отправился на фронт. Воевал он в составе 34-й артиллерийской бригады. В бою с австрийцами с 26 по 30 августа у деревни Мшаны под сильным ружейным и шрапнельным огнем противника отыскал и точно указал место скрытой неприятельской батареи, наносившей урон нашим войскам, дав таким образом возможность уничтожить ее. За подвиг в этом бою Николай Флоренский был награжден орденом Святого Георгия IV степени.

Поздравляя юнкера Николая Флоренского с высокой наградой, начальник училища, выразив удовлетворение тем, что первый выпуск будет иметь в своей среде Георгиевского кавалера, высказал уверенность, что в предстоящей тяжелой борьбе с врагами Родины все питомцы Сергиевского артиллерийского училища проявят не меньшую доблесть и отвагу и окажутся достойными такой же награды.

Начальник училища одновременно разъяснил, что юнкера, ушедшие на фронт, в училище возвращаться не будут, а будут зачислены в строевые части. Вновь поступившим в училище было объявлено, что в военное время не допускается перевод в другое училище и увольнение на попечение родителей, даже тех, кто не достиг призывного возраста. Для юнкеров, поступивших в училище, было два выхода: или окончить его или уйти в войска на правах вольноопределяющихся.

Отчисление в войска производилось также за неуспеваемость и плохое поведение, увольнение могло быть только по болезни.

1 декабря 1914 года училище впервые выполнило основную функцию своего назначения – состоялся 1-й выпуск молодых офицеров. 112 его воспитанников стали подпоручиками и влились в ряды офицеров славной русской артиллерии.

Сердечно поздравил 1-й выпуск сергиевцев генерал-лейтенант В.Т. Чернявский и пожелал им успеха в трудной борьбе во славу родного училища. Он поблагодарил весь коллектив училища, хорошо потрудившийся при подготовке юнкеров, и провозгласил здравицу в честь училища.

Шеф училища Великий князь Сергей Михайлович пожелал молодым офицерам-артиллеристам – первым выпускникам училища успехов в предстоящей деятельности.

Поздравил молодых подпоручиков и выразил твердую уверенность, что предстоящей службой сергиевцы докажут отличную артиллерийскую подготовку, начальник Главного артиллерийского управления генерал Д.Д. Кузьмин-Караваев.

Николай II собственноручно написал: «Благодарю Сергиевское артиллерийское училище».

В этот радостный и памятный для всех день начальник училища напомнил о сложности и необычности обстановки, в которой пришлось осуществлять 1-й выпуск.

В ожидании приказа о присвоении офицерских званий выпускные юнкера были переведены в специально подготовленное для них помещение, имеющее отдельный ход. После получения телеграммы о производстве в офицеры они составляли особую команду. Сдавали имеющиеся у них казенное имущество, получали офицерское обмундирование, револьверы, шашки, уставы и руководства, личные документы, деньги, свидетельства для льготного проезда к месту службы и предписания об отправке в часть.

Три дня после этого выпускники могли пользоваться отведенным помещением и юнкерским столом. Находясь в городе, молодые офицеры строго соблюдали форму одежды и правила поведения в Одесском гарнизоне. При отъезде их из училища не позднее 5 декабря каждый должен был подать на имя начальника училища рапорт об отъезде. Время на дорогу исчислялось следующим образом: по железной дороге – 300 верст в сутки, водным путем – 100 верст и по грунтовым дорогам – 50 верст. В части молодой офицер вместе с предписанием начальника училища подавал рапорт о прибытии.

Одновременно с продолжением занятий старших классов шел прием вновь поступающих в училище. Уже в 1915 году 31 января были приведены к присяге юнкера, принятые в декабре 1914 года. Непрерывно работала комиссия по постройке и внутренней отделке зданий и помещений училища. Некоторые офицеры привлекались к выполнению задач, не связанных с их должностным предназначением. Все это и многое другое, связанное с тяжелой обстановкой военного времени в значительной степени затрудняло выполнение главной задачи – подготовку юнкеров. И тем не менее оно было «выполнено стойко, гладко, в полном порядке, без суеты и малейших недоразумений».

Начальник училища, отметил в праздничном приказе, что успех дела был обеспечен дружным напряжением всех сил, добровольной работой коллектива училища не за страх, а за совесть вне всяких границ служебного времени, при полном отрешении от личных интересов.

Несмотря на радикальную корректировку всех учебных планов, неоднократные изменения сроков обучения, вызывающие соответственно и изменения программ, расписаний занятий, сложности с организацией лагерных сборов и боевых артиллерийских стрельб, несмотря на все возрастающую дороговизну жизни и связанные с этим затруднения в содержании, обмундировании юнкеров и снаряжении выпускников, а главное, несмотря на ужасы войны, тревогу и беспокойство за судьбу Отечества, сильное душевное волнение, усугубляемое желанием и вместе с тем невозможностью принять непосредственное участие в войне, усердие, стойкость и усилия всего личного состава обеспечили ход учебного процесса без срывов.

Начальник училища генерал А.А. Нилус, вспоминая военный период, с восторгом отзывался о стойкости, такте и самообладании офицерского состава. «Пошатнись они, расстройся – разладилась бы вся жизнь училища. Но они устояли и с честью выдержали испытание. Не могу не отметить их самопожертвование, победу соблазна идти на войну».

Следует отметить, что с самого начала войны многие офицеры училища обращались с просьбой отправить в действующую армию.

На первые же рапорты был дан решительный отказ. Генерал В.Т. Чернявский сказал свое характерное «цыц» и предложил спокойно и энергично трудиться по ускоренному выпуску с

сознанием, что исполняется не свое желание, а свой долг, а заявлений – ни устных, ни письменных было приказано не подавать. И это понятно, так как выгоды получения фронтом двух-трех десятков опытных и сведущих офицеров не окупались бы нарушением системы подготовки и пополнения армии двумя-тремя тысячами молодых артиллерийских командиров.

Следует отметить, что офицеры, служившие в училище, лишались больших преимуществ. Это и боевые награды, и слава, и быстрое продвижение по службе, и боевой ценз для дальнейшей карьеры, и финансовые выгоды. Но все-таки главным было моральное удовлетворение.

Многим офицерам приходилось «хладнокровно» наблюдать, как их обгоняют по службе в наградах и чинах не только сверстники, но даже и бывшие воспитанники – юнкера. Нередко сталкивались они и с незаслуженными, несправедливыми и неразумными обвинениями в уклонении от участия в войне.

Было же у них единственное утешение – результаты собственной деятельности: положительные отзывы начальства о службе бывших воспитанников училища, их честная доблестная работа, их отношение и привязанность к родному училищу, и многократно выражавшаяся на словах и в письмах благодарность ему. Сознание честно выполненного долга нередко служили офицерам училища единственной наградой.

Нелегко было в тех условиях и юнкерам, но держали они себя, по оценке начальника училища, блестяще и смогли стать подготовленными и достойными офицерами – венцом большого труда всего коллектива училища, его гордостью. Это они установили и своими делами поддерживали репутацию училища, высоко держали его честь.

Смертью героя на поле брани пал офицер 1-го выпуска кременчужанин Александр Антонович Цымбалюк. Первым он поступил в училище, первым был в учебе, первым его окончил, первым по предписанию начальника Михайловской артиллерийской академии был занесен на почетную мемориальную доску, одним из первых принял участие в боевых действиях, первым погиб и первым был занесен на траурную доску¹⁰ училища. О подвиге подпоручика А.А. Цымбалюка сообщил в училище генерал-майор Мухелов, командир артиллерийской бригады, в которой он служил после выпуска.

Так, 6 февраля 1915 года, сделав переход около 60 верст, бригада приняла участие во встречном бою с немцами. Батареи под непрерывным огнем противника заняли огневые позиции. Наблюдательные пункты были развернуты в передовых цепях пехоты в наскоро вырытых окопах. Подпоручик А.А. Цымбалюк вместе с командиром батареи был на наблюдательном пункте.

Находясь под непрерывным ураганным огнем артиллерии противника, подпоручик А.А. Цымбалюк отважно наблюдал за противником и за разрывами своих снарядов, чем оказывал огромную помощь командиру батареи. Неоднократно под губительным огнем противника он выходил из окопа и сращивал телефонные провода для восстановления связи. Все работы подпоручик А.А. Цымбалюк производил спокойно, в веселом настроении духа, с улыбкой на лице. Дважды он был ранен осколками, но выполнял поставленную задачу, пока не был отправлен на перевязочный пункт. 8 февраля в 5.50 утра подпоручик А.А. Цымбалюк скончался на главном перевязочном пункте 9-й Сибирской пехотной дивизии от ран в шейный позвонок. Тело подпоручика А.А. Цымбалюка было похоронено в цинковом гробу в Ломже – небольшом польском городке между Варшавой и Белостоком.

«Со своей стороны могу засвидетельствовать геройское мужество и беззаветную храбрость подпоручика Цымбалюка, – писал генерал-майор Мухелов. – Подпоручик Цымбалюк

¹⁰ В училище была установлена траурная доска, на которую заносились фамилии офицеров выпускников, павших в годы войны.

представлен мною к награждению орденом св. Великомученика и Победоносца Георгия IV степени».

Обращаясь к юнкерам, солдатам и офицерам начальник училища отметил, что подпоручик А.А. Цымбалюк явил собой «пример, которому мы все должны следовать и подражать. Не каждому дано быть всюду первым, но каждый может и обязан стремиться быть как можно лучшим. Счастлив видеть и отовсюду слышать, что выпущенные впервые из нашего училища офицеры верно служат и этому завету и этому примеру. Уверен, что и все последующие выпуски офицеров родного нам училища окажутся также на высоте своего воинского призвания и честно выполняют свой долг».

И юнкера учатся, юнкера участвуют в практических стрельбах у Ланжерона, несут службу, тренируются в оказании первой помощи раненым, завидуют тем, кто воюет. Правда были и другие. Только в январе 1915 года были отчислены из училища – три юнкера за пьянку, один – за драку. Велась решительная борьба с самовольными отлучками, которые, как правило, сопровождалась пьянством юнкеров. И не только жесткими мерами вплоть до исключения из училища, как было, например, с тремя юнкерами, вернувшимися нетрезвыми из городского отпуска.

Не могли не действовать и слова увещевания: «Если противен вид пьяного простолюдина, то вид пьяного военного – отвратителен. Он свидетельствует о низком уровне интеллектуального развития пьющего, разрешающем ему не дорожить личным достоинством, позорить честь мундира и бросать тень на репутацию училища». И в конце начальник училища выражал надежду, что подобные проступки впредь больше не повторятся. Отчисляли и за неуспеваемость.

В одном из приказов начальник училища привел список 26 юнкеров 1-го ускоренного курса, имеющих неудовлетворительные баллы и не выполняющих необходимых условий выпуска в офицеры. Он высказал требование позаботиться о ликвидации задолжности в течение недели. В противном случае будут предприняты строгие меры.

Не нарушая хода учебного процесса, училище готовится к предстоящей встрече царя. 14 апреля 1915 года в 08.30 учебный дивизион прибыл на Куликово поле в составе 54 рядов в каждой батарее для участия в смотре войск гарнизона.

11 мая получена телеграмма от генерала В.Т. Чернявского с требованием «свыше» срочно увеличить и ускорить все очередные выпуски училища. Августовский выпуск переносился на июль. Обязательный прием определялся в 275 человек, продолжительность обучения не более 5 месяцев.

Для детального обсуждения новых требований и выработки программы действий начальник училища провел расширенное заседание всех офицеров учебного, строевого и административного состава.

Между тем динамика событий стремительно возрастала.

25 апреля 1915 года была проведена первая практическая стрельба юнкеров 1-го ускоренного курса из 107-мм орудий.

29 апреля юнкера, выпускаемые в береговую артиллерию, выехали на двухнедельную стажировку в Севастопольскую крепость. Начальник училища потребовал рассматривать эту поездку не как экскурсию, а как серьезное и ответственное дело. Во время стажировки ежедневно, не исключая и воскресений, в два приема – утром и вечером проводились занятия, чтобы молодые офицеры могли достойно проявить себя с первых дней службы в боевых частях. Для осмотра достопримечательностей города и крепости отводился один день.

Стажировку в лейб-гвардии тяжелом артиллерийском дивизионе в Петрограде проходили 4 юнкера (Макаров, Слушко-Цяпинский, Губер и князь Дабиж).

5 мая все юнкера обоих ускоренных курсов участвовали в боевых стрельбах у села Ольгино.

14 мая после получения телеграммы о производстве в офицеры юнкеров 1-го (восьмимесячного) ускоренного курса, все училище было построено в юнкерской столовой. Были зачитаны поздравления и пожелания прославить на поле брани родное училище от Великого князя Сергея Михайловича, генерала В.Т. Чернявского. Всего из училища было выпущено 121 человек, 45 человек поехали служить в тяжелую артиллерию 40 – в сухопутно-крепостную, 27 – в тяжелую осадную, 7 – в береговую и 2 – в гвардейский тяжелый артиллерийский дивизион.

Следует отметить, что уже 18 мая 250 юнкеров 3-го ускоренного курса после представления начальнику училища приступили к занятиям. 28 июня они были приведены к присяге, а 6 октября участвовали в своей первой боевой стрельбе у села Ольгино.

88 юнкеров 2-го ускоренного курса, получивших назначение в осадную и крепостную артиллерию со 2 июня в течение всего месяца находились на стажировке в лагере Очаков под командованием генерала И.М. Леонтовского. Лагерь обслуживали 52 солдата. Те, кто назначался в тяжелую полевую артиллерию, стажировались в Одессе. Артиллерийские стрельбы с ними также проводили в Очакове.

131 юнкеру 2-го ускоренного (восьмимесячного) курса 10 июля было присвоено офицерское звание. На выпуске присутствовали генерал В.Т. Чернявский, горячо поздравивший выпускников от себя и от имени шефа училища.

Еще раньше, 1 июля, на 4-й ускоренный курс принимается 209 человек, 30 августа у них была присяга. 25 сентября 1915 года в день храмового праздника была торжественно отмечена 2-я годовщина Сергиевского артиллерийского училища. Прозвучали многочисленные поздравления и пожелания успешной работы на пользу родной артиллерии – залога победы над врагом.

12 октября 1915 года в училище был объявлен траур по подпоручику Воробьеву. Это была вторая жертва немногочисленной семьи сергиевцев, принесенная на алтарь войны. Имя подпоручика Воробьева было занесено на траурную доску рядом с его товарищем А.А. Цымбалоком.

1 ноября состоялось производство в офицеры 232 юнкеров 3-го (пятимесячного) ускоренного курса, а 3 ноября в училище были приняты 280 человек (в том числе 46 одесситов) на 5-й ускоренный курс.

7 ноября 1915 года юнкера встречали императора по пути следования от вокзала до кафедрального собора во время его очередного приезда в Одессу и были представлены ему. Молодцами вели себя воспитанники 5-го ускоренного курса, поступившие в училище всего несколько дней назад, но уже успевшие принять воинский вид. Не случайно они заслужили благодарность начальника училища.

14 декабря училище посетил новый начальник Главного артиллерийского управления генерал-лейтенант Маниковский. Присутствовал он и на боевых стрельбах из 6-ти дюймовых крепостных гаубиц, которые с октября ежедневно проводились с юнкерами-выпускниками, кроме воскресений. Поблагодарив за отлично налаженное дело подготовки офицеров в молодом училище, генерал особо отметил боевые успехи бывших питомцев училища, активно действовавших в различных видах артиллерии. В короткий срок, за две-три недели службы в войсках они становились командирами батарей.

Вот некоторые отзывы начальников о боевой деятельности выпускников училища. Поручик Александр Чирков – выпускник декабря 1914 года (1-й выпуск), попал в крепость Ковно, через месяц назначен командиром батареи, награжден орденом св. Святослава III степени. За бои с 25 июля по 2 августа 1915 года представлен к очередной награде. Исполнителен, заботится о подчиненных, в бою служит примером самоотверженности, мужества и храбрости для подчиненных.

Подобная характеристика была дана и поручику Александру Федоринскому, тяжело раненому в бою в июле 1915 года на наблюдательном пункте и представленному к награде.

Офицер-наблюдатель прапорщик Александр Банкет, окончивший 1-й ускоренный курс в мае 1915 года, корректируя огонь своей батареей, проявил мужество, распорядительность, хладнокровие, благотворно влияющее на подчиненных, которые вместе с ними стойко держались под огнем противника. 7 ноября 1915 года он был произведен в подпоручики.

15 декабря 1915 года были приведены к присяге юнкера 5-го ускоренного курса, а 22 декабря – 184 юнкера 4-го ускоренного (пятимесячного курса) принимали поздравления высшего артиллерийского руководства в связи с производством их в офицеры.

Стремительно шли дни, развивались события: прием, учеба, присяга, учеба и боевые артиллерийские стрельбы, выпуск и вновь прием уже новых воспитанников...

6 января 1916 года 217 молодых людей были приняты на 6-й ускоренный курс, 19 февраля приняли присягу.

4 марта закончились теоретические занятия на 5-м ускоренном курсе и начались усиленные тренировки: полуинструментальная, глазомерная, теодолитная и маршрутная топографическая съемка, подготовка к боевым стрельбам, боевые стрельбы.

30 апреля после прощания со своим боевым товарищем состоялось погребение павшего на поле боя бывшего питомца училища прапорщика Онипко. для отдания воинских почестей была выделена полубатарея в пешем строю от 2-й батареи юнкеров 5-го ускоренного курса и 1 орудие в конном строю, лафет для перевозки тела, оркестр.

10 мая юнкера училища в четвертый раз встречали императора. Николаю II в Ставке было скучно. «Ежедневно в 11 часов утра, – вспоминал генерал А.А. Брусилов, – он принимал доклад начальника штаба и генерал-квартирмейстера о положении на фронте, и, в сущности, на этом заканчивалось его фиктивное управление войсками. Все остальное время дня ему делать было нечего, и поэтому, мне кажется, он старался все время разъезжать – то в Царское Село, то на фронт, то в разные места России, без какой-либо определенной цели, а лишь бы убить время. В данном случае, как мне объяснили его приближенные, эта поездка в Одессу и Севастополь была им предпринята главным образом для того, чтобы развлечь свое семейство, которому надоело сидеть на одном месте, в Царском Селе».

10 мая в день смотра войск гарнизона юнкера и солдаты училища в 9 часов утра уже стояли вдоль забора в форме военного времени при караульной амуниции. При проезде автомобиля, в котором следовал государь, они отдавали честь, оркестр в это время исполнял народный гимн. Начальник училища был общим руководителем войск, построенных по пути следования Николая II от вокзала до стрельбищного поля (в районе улицы Генерала Петрова), где был раскинут царский шатер.

Сопровождал царя командующий Юго-Западным фронтом генерал А.А. Брусилов, который накануне прибыл в Одессу.

Поздравления, произведенным 14 мая 1916 года в офицеры 245 юнкерам (5-й ускоренный курс), прислал Великий князь Сергей Михайлович: «Поздравляю молодых офицеров 6-го производства (1-й выпуск и 5 ускоренных. – *Авт.*). Уверен, что они как их старшие товарищи проявят чудеса храбрости на поле брани».

Генерал-лейтенант В.Т. Чернявский пожелал им «быть Родине честными, неутомимыми, славными защитниками».

21 мая в училище осуществлен очередной набор юнкеров (7-й ускоренный курс). 267 юнкеров были разбиты на 10 классных отделений и 23 мая приступили к занятиям. 26 июня они были приведены к присяге.

29 июня состоялся очередной – 6-й ускоренный (пятимесячный) выпуск, 198 молодых офицеров ушли в войска, а 4 июня начались занятия с новым – 8-м набором. В их числе было 9 юнкеров, ранее окончивших различные высшие учебные заведения.

1 июля 1916 года приказом начальника училища была назначена комиссия из семи человек под председательством генерал-майора И.М. Леонтовского для разработки эскиза нагрудного знака училища и составления устава общества бывших юнкеров училища.

7 июля в училище прибыл начальник Михайловской академии и артиллерийских училищ генерал-лейтенант В.Т. Чернявский. Он ознакомился с ходом учебы, встретился с офицерами и юнкерами.

Для всех юнкеров выпускного курса 16 июля было проведено показное занятие по тактике в районе 7-й станции Фонтана. Руководил занятиями генерал-лейтенант Шульце. Регулярно, даже по воскресеньям проводились занятия по топографической съемке местности.

Война требовала все нового и нового пополнения офицеров.

16 сентября был издан приказ, запрещающий отчисление юнкеров из училища по собственному желанию. Педагогический комитет признал необходимым слабо успевающим юнкерам (десяти – 7-го набора и четырем – 8-го) приложить максимум старания для исправления неудовлетворительных оценок.

А через неделю последовал еще один приказ. Командующий войсками Одесского военного округа запретил юнкерам посещать все без исключения кафе и кондитерские.

25 сентября пришли поздравления с 3-й годовщиной училища от генерала В.Т. Чернявского, начальников родственных артиллерийских училищ, многих бывших воспитанников.

В тяжелых условиях военного времени по оценке многих артиллерийских начальников «блестяще держали себя юнкера», превратившиеся в достойных, дельных и сведущих офицеров – венец постоянного труда, большого коллектива училища, его гордость. Это они установили и высоко держали честь и репутацию училища, оставаясь верными заветам своих воспитателей.

В обучении юнкеров принимала участие и команда солдат, без которых училище не могло бы справиться со своим делом. С первых же дней своего прибытия в училище, они дружно, тихо и скромно делали свою ответственную и тяжелую работу.

Несмотря на то что штаты команды были явно недостаточными, на все ходатайства начальника училища об их увеличении постоянно поступал ответ – до конца войны изменений в штатах не будет.

Солдаты безропотно несли свою службу, не выражали ни жалоб, ни претензий, заметно помогая, в частности, в организации практического обучения юнкеров.

Честно и усердно работали вольнонаемные, получая незначительное денежное содержание. Они помогали обслуживать юнкеров, поддерживали чистоту и порядок.

В декабре 1916 года большая группа офицеров, преподавателей и солдат была награждена за участие в подготовке молодых офицеров.

На 10 дней с 7 по 17 ноября 1916 года для юнкеров 8-го ускоренного курса был объявлен перерыв классных занятий. До наступления холодов планировалось проведение практических стрельб из винтовок и пулеметов, несение караульной службы.

Война требовала жесточайшего режима экономии. 11 декабря был объявлен «табель количества пищевых веществ на довольствие одного воспитанника в неделю» (около 5¼ фунта говядины, хлеба ржаного и белого – более 11, картофеля и овощей – более 5, молока – 3, творога – более 1, масла коровьего – более 1, яиц 8 штук и др.).

Экономия касалась и сокращения хлебных остатков на юнкерском столе, и уменьшения фуражной сутодачи лошадям. В специальном приказе по училищу, в связи с небольшим запасом горючего для местной электростанции, требовалось не только сократить число горящих лампочек, но и строго следить, чтобы они не горели без дела.

Начальник училища обратился к офицерам и классным чинам, проживающим в казенных квартирах, с просьбой меньше потреблять дров и угля. Был заметно сокращен расход бумаги на всякого рода переписку.

Начальник училища требует бережного обращения с книгами и учебниками, квалифицируя небрежное отношение не только как признак бескультурья, но и расточительство.

20 ноября всему личному составу были сделаны противохолевые и противотифозные прививки.

Увеличение численности юнкеров, опасность заболеваний потребовала усиления внимания к организации питания, порядку и соблюдению чистоты в столовой. Были наняты еще 3 повара, дополнительные кухонные рабочие, налажен регулярный контроль. Начальник училища издал по этому поводу строгий приказ.

22 декабря 1916 года 246 юнкеров 7-го ускоренного курса были произведены в офицеры и разъехались по частям. Юнкера были отпущены на рождественские праздники.

Несколько ранее командир дивизиона И.М. Леонтовский был назначен начальником Михайловского артиллерийского училища в Петрограде.

1917 год начался набором юнкеров на 9-й ускоренный курс. 280 молодых людей влились в состав училища. 10 февраля они были приведены к присяге. А в конце января новый 10-й набор – 237 человек, из них 38 одесситов, принялись за учебу. 15 февраля состоялось производство в офицеры еще одного отряда воспитанников училища.

В стране накалялась обстановка, бурлили страсти, но война продолжалась. Ситуация, сложившаяся в России, быстро перерастала в революцию. 27 февраля пало самодержавие. Весть о революции в Петрограде пришла в Одессу только на второй день. Известие о свержении самодержавия вызвало огромный политический подъем среди населения и армии. В тот же день командующий войсками Одесского военного округа генерал М.И. Эбелов издал приказ № 277 о соблюдении порядка и дисциплины. 1 марта в городе состоялись массовые митинги и демонстрации, в которых участвовали рабочие, солдаты, матросы, студенты, юнкера. Все они горячо приветствовали победу февральской революции.

2 марта 1917 года под председательством командующего войсками Одесского военного округа генерала М.И. Эбелова состоялось совещание, затянувшееся до 12 ночи. На следующий день оно было продолжено с приглашением представителей военной, гражданской администраций и общественных учреждений.

Революционно настроенные рабочие Одессы, учащаяся молодежь открыли двери тюрем. Было освобождено 1600 политических заключенных, в том числе 700 осужденных за нарушение закона о воинской службе. Вышел на свободу и Григорий Котовский, приговоренный к смерти, но по распоряжению генерала А.А. Брусилова приговор был заменен каторжными работами.

Вечером 4 марта в училище были зачитаны несколько приказов командующего войсками Одесского военного округа генерала М.И. Эбелова, объявивших манифесты об отречении от престола Николая II и его брата Великого князя Михаила Александровича.

Приказы были проникнуты единой мыслью о необходимости добиваться победы в войне, которую ведет Россия.

На следующий день начальник училища разъяснил обстановку, существо текущего момента и потребовал более внимательного и серьезного к делу обучения и воинского воспитания вверенной молодежи.

12 марта в училищном храме состоялось приведение к присяге на верность службе Российскому государству всех офицеров, классных чинов, юнкеров и солдат. На имя министра – председателя временного правительства Г.Е. Львова поступили телеграммы от великих князей, в том числе Сергея Михайловича, который писал: «В лице Вашем заявляю Правительству полную готовность всемерно поддерживать его».

По стране развернулся процесс демократизации армии. Каждый день телеграф приносил новые вести. 16 марта в училище было объявлено воззвание Временного правительства к населению, армии, флоту. Зачитан приказ об отмене отдания чести, становясь во фронт. Оста-

валось прикладывание руки к головному убору. 19 марта было опубликовано сообщение об отмене смертной казни. Приказом № 114 военного министра А.И. Гучкова от 5 марта отменялось наименование «нижний чин», заменено оно было обращением «солдат». К солдату все должны были обращаться на «вы». Отменялись ограничения для солдат, воспрепятствовавшие их участие в собраниях, партиях и союзах. Подтверждалось положение об отмене титулования и замене его обращением «господин».

23 марта в день похорон жертв революции занятий в училище не было. Уволенные в город юнкера приняли участие в массовых шествиях, митингах.

10 апреля дивизион юнкеров участвовал в смотре войск гарнизона, который провел на лагерном поле военный министр временного правительства А.И. Гучков. В эти дни в частях гарнизона проходили выборы в солдатские и офицерские комитеты. От училища в состав солдатских, юнкерских и офицерских депутатов гарнизона были избраны командир батареи полковник Н.А. Казьмин, юнкера Двораковский, Никольский, младший фельдшер Драгунцов и писарь Козлов.

В училище были образованы комитеты (батареинные, командный и училищный), объявлен их состав, временное положение. В состав училищного комитета вошли: председатель – поручик – Арнольд¹¹, товарищ председателя юнкер Охрименко, секретарь юнкер Войцеховский, 2 офицера, 6 юнкеров, 4 солдата и 4 гражданских. 29 апреля в газете «Солдатская мысль» было опубликовано положение о ротных и полковых комитетах. В последующие дни в связи с частым обновлением личного состава юнкеров несколько раз менялся состав училищного и батареинных комитетов.

20 и 30 июня на заседании представителей солдатских комитетов Одесского гарнизона было избрано особое бюро. В него вошли и представители Президиума Совета солдатских депутатов. Был принят устав Совета солдатских депутатов, который состоял из представителей всех полковых и других комитетов гарнизона и являлся частью общего Совета солдатских и рабоче-крестьянских депутатов.

В гарнизонный совет от училища вошли полковник Буковский, юнкер Никитин и солдат Дидорчук.

В июле два представителя училища (поручики Арнольд и Мантула) вошли в состав Исполкома Совета солдатских депутатов Одессы, так как в исполкоме ежедневно проходили продолжительные заседания, заведующему командой солдат поручику Арнольду был назначен помощник для ведения хозяйственной части.

Приказом по военному ведомству № 181 «О воинских чинах» от 4 апреля 1917 года с погон снимались вензеля и шифровка (у юнкеров-сергиевцев – буква «С» и корона), вокруг погон юнкеров было установлено иметь выпушку светло-синего цвета. 15 апреля начальник училища объявил юнкерскую инструкцию, определившую их общие обязанности в новых условиях. Специальная комиссия разработала порядок увольнения в городской отпуск. Правом отпуска с ночевкой в канун воскресенья и праздничных дней пользовались юнкера, достигшие совершеннолетия (21 год) и все женатые. Отпуск заканчивался в 07.15 дня занятий. С ночевкой могли находиться в городе и остальные юнкера по заявлению родственников или знакомых с указанием адреса.

В день исторического праздника свободы и труда 1 мая училище в полном составе приняло участие в мощной демонстрации трудящихся города и войск гарнизона, пройдя под звуки Марсельезы мимо памятника «Труда и свободы» на Думской площади. «Хороши были знамена Сергиевского училища», – отметил корреспондент газеты «Одесский маленький листок».

¹¹ Поручик Арнольд после ранения 22 мая был прикомандирован к училищу и поставлен во главе команды солдат. В сентябре 1917 года он был назначен во 2-ю батарею юнкеров.

Юнкера шли под лозунгами: «Война до победного конца над германским милитаризмом», «Да здравствует свободная Россия».

А Ставка Верховного Главнокомандующего продолжала требовать форсирования подготовки, ускорения выпуска офицеров-артиллеристов. Было решено сократить сроки лагерных занятий и назначить производство в офицеры двух очередных выпусков на 1 июля и 15 августа.

Среди солдат и офицеров царил дух «революционного оборончества». В.И. Ленин отметил, что это явилось результатом обмана капиталистами части пролетариев и полупролетариев города и деревни.

Не миновали эти настроения и воспитанников военных училищ, в том числе и Сергиевского. Это проявилось и на первых собраниях юнкеров, солдат, офицеров и чиновников военно-учебных заведений Одессы 7 и 8 апреля, где было решено: 1. Считать своим долгом совести и чести до последней капли крови защищать свободную Россию. 2. Признать, что война должна быть доведена до конца.

17 апреля в училище состоялась встреча с матросами, солдатами и рабочими Свеаборга. Звучали ура-патриотические речи и призывы закрепить полученную свободу решительной победой над Германией. Под громовое «ура» членов делегации вынесли на руках. В освещенном 11 февраля Его Высокопреосвященством архиепископом Херсонским и Одесским Назарием училищном храме все чаще и чаще звучала панихида по погибшим воспитанникам.

Не случайно исполком Советов Юго-Восточного фронта просил передать во все училища, что армия несет в боях значительные потери, особенно в офицерском составе и в связи с этим испытывает в них большую нужду. Поэтому крайне нежелательно и даже пагубно для армии формирование отдельных юнкерских рот, использование юнкеров на солдатских должностях. Исполком призвал юнкеров осознать свой революционный долг, «преодолеть все чувства, увлекающие их немедленно стать в ряды борющейся армии и отдаться всецело необходимому сейчас делу подготовки к несению функциональных обязанностей офицеров». Военный и морской министр Керенский обратился с речью к юнкерам и призвал «создать полный порядок в наших рядах».

Первый съезд Румынского фронта, Черноморского флота, Одесского военного округа (май 1917 года) принял резолюции о поддержке Временного правительства и продолжении войны до победного конца. Смог оказать влияние на позицию съезда и Керенский, приехавший в Одессу 15 мая 1917 года.

На заседании Одесского Совета 14 мая было принято решение, что Керенского будут встречать по три представителя от Советов рабочих и солдатских депутатов и четыре представителя от общественных организаций. Решено было также направить на вокзал специальный отряд.

Училище встречало военного и морского министра у вокзала. По пути его следования к Оперному театру, где проходил фронтовой съезд, были выстроены войска гарнизона.

Выступая на съезде, Керенский призвал к защите добытой в февральской революции свободы от внешней реакции. При этом он демагогически поддерживал иллюзию, что война потеряла для России империалистический характер и стала революционной, оборонительной.

На следующий день, 15 мая военный и морской министр провел смотр войскам гарнизона, в котором участвовал и дивизион юнкеров училища. На левом и правом флангах, построенных для смотра на лагерном поле войск, стояли воспитанники пехотного и артиллерийского училищ.

В ряде своих приказов Керенский выразил необходимость укрепления дисциплины, порядка. «Популярный теперь военный министр требует поддержания дисциплины, а есть среди юнкеров такие, которые не хотят работать ни руками, ни головой – на них не действуют ни увещевания, ни напоминания, ни меры строгости», – говорилось в приказе начальника Сергиевского артиллерийского училища, который объявил и состав батареинных, и команды солдат

дисциплинарных судов. 31 мая убыли избранные на Всероссийское совещание военно-учебных заведений начальник училища генерал А.А. Нилус, полковник Н.А. Казьмин и 6 юнкеров.

Условия военного времени и связанный с ними недостаточный штат офицеров, служащих и солдат при значительном увеличении юнкеров, возросшая учебная работа, отсутствие средств передвижения и рабочих рук, совершенно ненормальные условия заготовки продуктов, материалов и особенно топлива привели к тому, что помещения и дворы училища утратили опрятный вид и чистоту, которые не только должны радовать глаз, но и очень важны в санитарном отношении. Был не только ослаблен надзор, но и заметно уменьшен труд и средства, необходимые для поддержания порядка. Возникла угроза азиатской холеры.

С 1 по 10 июля, а затем с 15 августа по 26 сентября 1917 года наступил небольшой перерыв в непрерывном труде коллектива училищ. В это время обучается только один ускоренный курс.

1 июля и 15 августа были произведены очередные выпуски 226 и 216 офицеров соответственно. Проведен набор на 11-й ускоренный курс, в том числе и солдат, имевших боевой опыт. Среди них 10 Георгиевских кавалеров, 9 юнкеров имели высшее образование.

15 сентября начались занятия на 12-м ускоренном курсе.

По предписанию нового начальника Михайловской артиллерийской академии и училищ (генерал В.Т. Чернявский в начале июня ушел из академии, оставшись членом Военной совета), очередные выпуски офицеров были намечены на 20 февраля и 1 июня 1918 года, а прием на 13-й курс – в феврале. Занятия с ними было приказано начать 4 марта. Число юнкеров должно было быть доведено до 510 (в том числе вольноопределяющиеся). Следует отметить, что 13-й курс был уже набран в годы Гражданской войны.

При выполнении программы строевой подготовки юнкеров обращалось особо серьезное внимание на следующие виды обучения: стрельба, материальная часть, занятия на местности. В курс тактики артиллерии был введен новый раздел для ознакомления юнкеров с наставлением по борьбе за укрепленные полосы.

Претерпели изменения и учебные планы. В курсе законоведения был введен раздел о социалистических учениях и партиях.

Серьезное внимание обращалось на методическую подготовку будущих офицеров. При основательной специальной подготовке вполне достаточной для того, чтобы быть полезным для службы в артиллерии на младших командных должностях, у выпускников по вполне понятным причинам не было методических навыков в обучении и воспитании солдат. И только в процессе службы, беря пример с более опытных, старших по службе товарищей, они в большинстве случаев становились хорошими учителями и командирами своих солдат не только по форме, но и по существу. Для восполнения этого пробела подготовки будущих офицеров к педагогической деятельности, проведения занятий с солдатами не только по грамоте, но и по истории, географии, отечествоведению, земельным и другим вопросам, в училище был введен курс методической подготовки.

Активно действует организованное более года назад общество вспомоществования бывшим юнкерам училища. Его капитал насчитывал немногим более 1,5 тысяч рублей. Выпускники обращались в общество с просьбой о высылке им выпущенного нагрудного знака училища.

25 сентября 1917 года в день училищного праздника был объявлен приказ Временного правительства о назначении генерала А.А. Нилуса инспектором при товарище министра, ведающим боеснабжением армии.

Сдавая дела, генерал А.А. Нилус продолжал командовать училищем, контролировал ход учебного процесса и решал все вопросы жизнедеятельности вверенного ему коллектива, в новых условиях умело взаимодействовал с училищным и курсовыми коллективами и судом.

Андрей Александрович в одном из последних приказов, больше похожем на прощальное и проникновенное письмо самым близким людям, подвел итоги своей деятельности по созданию училища.

**«ПРИКАЗ¹² по Сергиевскому артиллерийскому училищу № 330
14-го октября 1917 года, город Одесса ПО ЧАСТИ СТРОЕВОЙ**

Получив другое назначение, с глубокой печалью и грустью я вынужден покинуть родное Сергиевское артиллерийское училище, которому всецело посвятил более 5 последних лет моей службы и моей жизни; которое при мне родилось, отстроилось, организовалось, произвело 11 выпусков и вместе с обучающимися теперь двумя – дает Родине без малого 3000 молодых артиллерийских офицеров.

За это время я так сросся с училищем, так сроднился с его личным составом, с которым вместе пережил столько и радостей, и горя, что не могу расстаться с ним без глубокой скорби и сожаления. Я отрываюсь от него лишь с мясом и кровью, оставляя в нем большую часть своей души и сердца, и помыслов.

Оборачиваясь назад и вспоминая трудный, но дружно пройденный нами путь, я вижу, что во всей нашей горячечной деятельности мы пережили три главных периода жизни училища: строительный, военный и революционный.

Временная строительная комиссия по постройке и оборудованию училища, и поныне не прекратившая еще своей деятельности под моим председательством, приступила к своей работе 26 июля 1912 года. Основной задачей комиссии было: во что бы то ни стало в следующем же 13-м году – открыть училище.

Приступая к выполнению этой задачи, комиссия на первых же шагах встретила такие затруднения, которые при ином отношении к делу могли бы привести в отчаяние. Прежде всего, намеченный для расположения участок земли, бывший тогда под огородом, оказался училищу еще не принадлежавшим; требовалось получить разрешение на владение им от Министерства внутренних дел, которое даже не было еще о том запрошено. Это грозило большой задержкой работ. Но комиссия рискнула не ждать конца канцелярской волокиты и, несмотря на отказ в разрешении приступать к работам на не принадлежащем ей участке, – к работам приступила и хорошо сделала, так как разрешение последовало лишь в сентябре (1912 г. – Авт.).

Установленная Инженерным ведомством цены на рабочие руки и материалы, которых должна была придерживаться комиссия, оказались настолько низкими, что строить по ним никто из подрядчиков не соглашался. На объявленных торгах, они заявили цены не только без уступки, но еще и на 7-10% выше сметных. Первые торги были безуспешны, вторые – не состоялись. Приходилось или требовать доассигнований, вводить казну в лишние расходы и затягивать дело, или повести его самим, хозяйственным способом. Комиссия рискнула на последнее, и не имеет повода раскаиваться, так как, несмотря на последовавшие затем повышения рыночных цен, сумела закончить дело без дефицита.

Климатические условия осени 12-го года были исключительно неблагоприятны: шли непрерывно дожди, обратившие огородную почву училищного участка в невылазную грязь; не было возможности доставлять материалы; подводы вязли в грязи, не доезжая до места. В октябре ударили морозы, дошедшие 15-го октября до -9°. Взявшийся за работу подрядчик Васильев, выложив лишь два фундамента казармы и служительского флигеля, отказался от подряда, опасаясь разориться. Зима 13-го года застала комиссию почти неприступившей к началу своей задачи.

¹² Стилистика приказа тех лет сохранена.

В таком, по-видимому, безвыходном положении комиссия, однако не пала духом и не утратила своей энергии. Она нашла-таки хорошего подрядчика, дав ему большие льготы без ущерба для казны: она упростила подрядчика взяться за работу, которая пошла [за то] с тех пор чисто американским темпом; к ней было приступлено 18-го марта; 22 июня состоялась торжественная закладка Главного здания училища, а 25-го сентября 13-го года последовало его открытие во временном помещении 3-х этажного флигеля, для служителей, где пришлось и учить, и учиться, и молиться. Задача была выполнена.

Помимо строительства и главное – одновременно с ним, для выполнения нашей задачи требовалось преодолеть немало затруднений при установлении всего уклада вновь зарождавшейся жизни первого и единственного в своем роде Крепостного артиллерийского училища.

Во многом подражать было нечему: приходилось быть оригинальным; самостоятельно установить все учебное и строевое дело; разработать все детали и в короткий срок выработать свой учебный план, свое расписание строевых занятий, свою инструкцию; пригласить преподавателей; подготовить все к первому приему с конкурсными экзаменами. Оборудовать училище, организовать лазарет, завести хозяйство, канцелярию, набрать штат команды и наладить ее работу. Набрать и направить штат служителей. Завести конский состав, выездить его и обеспечить ветеринарным уходом, фуражем и проч. Всего не перечтешь.

Теперь легко об этом говорить, легко критиковать, но чтобы ощутить всю трудность всей совокупности этого большого дела, надо было самому все это пережить. И мы дружно это пережили.

На помощь комиссии пришли новые силы; каждый занялся своим делом, почти для каждого новым. Без предварительной, по-видимому, подготовки, своей кипучей деятельностью, неутомимой энергией, знаниями, инициативой, каким-то верхним чутьем и главное – дружным напором были преодолены все препятствия и с первых же дней открытия колесо училищной жизни завертелось так равномерно и плавно, как будто бы оно вертелось уже давно.

Расставаясь с училищем, не могу не вспомнить этого пережитого, исключительно трудного первого периода нашей совместной жизни, не могу не испытывать одновременно и чувство гордости и глубокого чувства искренней благодарности всем (неразборчиво)... своей энергией, неутомимостью, бодростью духа и неукротимым рвением в ежедневном непрерывном труде, с раннего утра до позднего вечера, способствовавшим совершить сей (неразборчиво) подвиг.

Всему прикосновенному к строительству училища материальному и духовному, всем преодолевшим со мной "лиху беду начало" – мой низкий поклон и горячее душевное мое спасибо. Без такой дружной, согласованной работы и чисто американского образца действий нельзя было бы выполнить нашу задачу так экономно, скоро и споро.

Тот же характер деятельности продолжался и дальше: в 1914 году удалось устроить лагерный сбор в Очакове; сделать 2-й прием, организовать 2-ю батарею и перебраться в Главное здание дружной семьей, с почти полным штатом личного состава.

Но не удалось нам и года прожить моральной и сколько-нибудь покойной жизнью: разразилась война, и наступил 2-й период училищной жизни – военный.

Решено было приступить к ускоренным выпускам, увеличить штат юнкеров с 300, сначала до 450, а потом и до 500 юнкеров, без расширения едва законченных помещений и главное почти без увеличения штата офицеров и классных чинов. Считаю, что и эти нелегкие задачи были выполнены нами успешно: несмотря на радикальную ломку плана всего учебного и строевого образования, неоднократных изменений сроков обучения, вызывавших соответственно частые изменения программ, расписаний лекций, репетиций и строевых занятий; затруднения при устройстве лагерных сборов в самой Одессе и организации стрельб; несмотря на все возрастающую дороговизну жизни, и связанные с этим затруднения в содержании, обмундировании юнкеров и снаряжении выпускников, а главное, несмотря на ужасы войны, тревогу и

беспокойство за участь Родины, сильное душевное волнение, усугубляемое желанием и вместе невозможностью принять в войне непосредственное участие. Усердием, стойкостью и напряжением, дружными усилиями всего личного состава удалось направить течение училищной жизни в новое русло без остановки и перерывов.

Теперь, вследствие наступивших еще более острых переживаний, воспоминание о нашей морально беспокойной и мучительной работе этого второго периода, быть может, несколько стусивалось, но забыть ее я не могу, как не могу не оценить по достоинству скромную, молчаливую, самоотверженную, регулярную, планомерную и по-прежнему настойчивую и дружную работу всего личного состава. Были редкие моменты, когда хотелось кричать от радости и делиться ею, но было гораздо больше таких, когда приходилось стонать от горя. Иной раз казалось, что сердце не сможет выдержать волнующих ощущений, всю душу терзающих переживаний, а надо было спокойно читать лекции, репетировать, вести строевые занятия, направлять, воспитывать молодежь, подавать им пример спокойствия, выдержки, одевать, кормить, и выпускать и принимать, принимать и выпускать... юнкерам учиться, солдатам – служить и волнонаемным – работать.

Вспоминая этот уже забытый период, не могу не восторгаться стойкостью и выдержкой, тактом и самообладанием прежде всего – всего офицерского состава училища, служба которого ближе всего связана с жизнью юнкеров и состава классных чинов. Пошатнулись они, расстройся, растерялся – разладилась бы и вся жизнь училища. Но они устояли и с честью выдержали испытание. Не могу не отметить их самопожертвование, победу соблазна идти на войну.

На первые же рапорта с такой просьбой был дан решительный отказ, а затем мне было категорически запрещено даже принимать такие просьбы. Генерал Чернявский сказал свое характерное "цыц". Выгоды получения фронтом двух-трех десятков опытных и сведущих офицеров не окупилась бы расстройством дела снабжения его двумя-тремя тысячами выпускных; легко можно было зарезать курицу, несущую золотые яйца.

Считаю безропотное подчинение личного состава отказу от участия в войне самопожертвованием, так как, избегая небольшого сравнительно риска жизнью, при малом относительно проценте потерь в артиллерии, приходилось лишаться больших преимуществ: славы, боевых наград, быстрого производства по службе, боевого ценза для дальнейшей карьеры, денежных выгод и главное – морального удовлетворения. Приходилось, напротив, хладнокровно смотреть, как обгоняют по службе, в наградах и чинах не только сверстники, но даже и бывшие воспитанники-юнкера, и главное – рисковать, натолкнуться на незаслуженные, несправедливые и неразумные обвинения их в якобы уклонении от участия в войне со стороны близких лиц, не понимающих и не видящих подневольного положения.

Да послужат Вам утешением результаты Вашей деятельности: блестящие отзывы строевого начальства о службе наших бывших воспитанников, их честная и доблестная работа, их любовное отношение, память и привязанность к училищу и многократие на словах и письмах, выразившаяся ему, благодарность. Из-за этого стоит потрудиться и потерпеть. Чистая совесть и сознание честно исполненного долга да послужат Вам наградой! Я же от лица службы позволю себе повторить мою искреннюю, глубокую, душевную, особую признательность.

При тех же тяжелых условиях военного времени блестяще держали себя наши юнкера, превратившиеся в этот период в достойных, дельных и сведущих офицеров – венец наших трудов и наша гордость. Нелегко им было, и тем более отрадно вспоминать и видеть их работу. Они установили и поддержали репутацию училища, высоко держа его знамя, и остались верными нашим заветам. Честь им и слава, безвременно погибшим вечный покой и вечная память. Как бы я не выражал им свою благодарность, она будет ничем по сравнению со столь заслуженною ими благодарностью Родины, которая рано или поздно воздаст ее.

В обучении наших орлят принимала участие и наша команда солдат, без которых училище не могло бы справиться со своим делом. С первых же дней своего прибытия в училище они дружно, тихо и скромно принялись за свою ответственную и тяжелую работу. Несмотря на то, что штат команды оказался недостаточным, а в ходатайстве моем об увеличении его до конца войны было отказано, они безропотно несли свою тяготу, не выражая ни жалоб, ни претензий и много помогли нам в успешном выполнении нашей задачи в этот период деятельности училища. Молодцам солдатам нашим от лица службы большое русское спасибо и низкий поклон!

Большое спасибо и всем вольнонаемным. Они тогда еще не состояли на учете. Получали незначительное содержание и, несмотря на это, работали честно и усердно, помогая нам обслуживать наших птенцов и вести дело в чистоте и порядке.

Но и войной не закончились испытания Родины, а с нею и новорожденного нашего училища. Наступила революция, отречение, перемена образа правления в государстве и как неизбежное их следствие – общественная, военная и продовольственная разруха, близкая теперь к анархии.

Брошенные на произвол судьбы, предоставленные самим себе без всяких указаний, директив и руководства свыше, в исключительных условиях критического перелома в жизни государственной и общественной, в этот третий период нашей работы – личный состав училища оказался на должной высоте. Он дал возможность совершить этот редкий период спокойно, плавно, без всяких потрясений и даже почти без перерыва обычных занятий; усердно, энергично и попрежнему дружно ведя свое дело и ни на один день не задержав ни одного срока выпусков.

И теперь, как скала среди бушующего моря, твердо стоит на своем посту родное училище: ни боевые неудачи, ни ужасы анархии, ни ожидание, быть мо-же, еще горших испытаний, лишений и душевных терзаний не потрясли его основ, очевидно, твердо заложенных и доблестно поддерживаемых. Все рушится, все гибнет кругом; утрачен авторитет власти, пала дисциплина, нет должного повиновения; вся жизнь кругом окутана безпросветной мглой; враг грызет уже голову России; анархия раздирает ее на части. А училище, введя у себя все новые реформы, приспособившись к новому укладу жизни и разумно совмещая требования служебной и воинской дисциплины с правами свободного гражданина, продолжает спокойно вершить свое дело, являя собой высокий образец и достойный подражания пример разумного и честного исполнения своего воинского и гражданского долга.

Честь Вам и слава господи!

В данный момент Родина и народ в своих тяжелых переживаниях не могут видеть достоинств Вашей работы, не могут должным образом оценить ее.

Но не из-за этой оценки, не из-за наград и благодарности Вы честно делаете свое дело. Вы работаете за совесть и эта чистая совесть, и сознание исполненного долга Вам будут пока единственной наградой. Со временем их оценят по достоинству и Родина, и народ, и история.

Общество и начальство видит Вас, однако, и теперь, хорошо сознавая, что наш маленький мирок представляет собою один из тех не многих мирных оазисов, который не засыпан еще песком Самума. Недаром общество с такой охотой и довериемверяет нам своих сынов и относится к Вам с таким уважением и любовью.

Недаром начальство в своей приветственной телеграмме называет Вашу деятельность – безупречной.

Я же горжусь тем, что мне выпало на долю счастье быть Вашим начальником и бесконечно Вас всех благодарю.

Благодарю всех офицеров и классных чинов за оказываемое мне всегда доверие, уважение и поддержку, за примерное совмещение службы и дружбы; за стойкость, такт и усердие в работе.

Благодарю моих молодцов юнкеров за поддержание училищных традиций, за прививку их вновь прибывающим, и за господство восприятия их со стороны последних – это главный залог успеха. Благодарю за соблюдение должной дисциплины, за умелое и разумное пользование свободами, за сознательное отношение не только к своим правам, но и к своим обязанностям, за распорядительность во внутреннем укладе жизни, за Ваш внешний облик и поведение вне стен училища, за умелую работу, столь утомительную при нынешних условиях, и за оказываемое нам и друг другу уважение, доверие и помощь.

Особенно благодарю училищный и курсовые комитеты и суд, шедшие с нами рука об руку, ни разу не заставлявшие меня жалеть об утрате личной власти и прибегать к обжалованию их постановлений. Благодарю за поддержание репутации училища.

Благодарю команды солдат, фельдшеров и писарей за то, что они не стали теми распущенными, неряшливыми, грубыми бездельниками, каких мы во множестве видим кругом, на улицах; за то что, оберегая свои права и предъявляя свои справедливые претензии, они делали это в корректной форме, не забывая своих обязанностей; за то что они дорожат званием солдата-Сергиевца; за их сознательность и дисциплину, так выгодно отличающую их от многих других...

Благодарю их за тяжелую работу, за труд и помощь, которую они нам оказывают в важнейшем теперь деле обучения будущих офицеров нашей доблестной артиллерии.

Особенно благодарю командные комитеты.

Благодарю вольнонаемных! Немало и им приходится трудиться в нашем общем деле. Знаю, что Вам трудно справляться с жизнью при нынешней дороговизне и искренне жалею, что не в моей власти улучшить Ваше положение.

Благодарю, за то, что Вы это понимаете и что относились ко мне всегда с доверием и уважением, не нарушая в училище спокойствия и порядка. Особенно благодарю служительский комитет.

Я не ожидал так расстаться с дорогим мне училищем и думал, и надеялся, что и уйдя, я сохраню с ним служебную связь и смогу оказывать ему и впредь посильную помощь и содействие. Судьбе угодно было устроить все иначе. Тем с большою грустью и болью в сердце и расстанусь со всеми Вами, дорогие мои друзья, товарищи и солуживцы!

В служебном отношении расстанусь навсегда, но даст Бог, не навсегда расстанусь в жизни, до конца которой буду рад и счастлив, если кому-либо и в чем-либо смогу оказаться полезным.

Еще раз, в последний раз: всему личному составу училища и строительной комиссии, ликвидирующей свои дела – низкий поклон, искренний привет и сердечная признательность. Да благославит Вас Бог на многие лета!

Простите, если я кого-либо обидел, и не поминайте лихом. У меня навсегда останется к Вам самое теплое искренне чувство глубокой привязанности, признательности и уважения.

Прощайте!

*Подписал: Вр. и.д. Начальника училища, Инспектор
При Товарище Военного Министра,
Генерал-лейтенант НИЛУС*

*Верно: Адъютант училища,
Капитан (Подпись)»¹³.*

¹³ Личный архив В.И. Голованя.

31 октября 1917 года генерал-лейтенант А.А. Нилус подписал последний приказ по училищу № 349.

Следует отметить, что из-за начавшейся в июле 1914 года Первой мировой войны все выпуски, их было 12, были ускоренными, причем 12-й выпуск даже не закончил курса, так как училище было закрыто большевиками, занявшими Одессу в январе 1918 года. Таким образом, училище временно прекратило свое существование вплоть до октября 1919 года.

Октябрьская революция, потрясшая весь мир, круто изменила судьбы и многих сергиевцев. Одни безоговорочно встали на сторону революции, других буря событий долго бросала от берега к берегу, судьбы третьих неизвестны и поныне. Авторам не просто описывать события, в которых брат воюет против брата, отец против сына, а сын против отца. Гражданская война – это большая трагедия народов России. Поэтому авторы не будут давать идеологических оценок, а будут рассказывать только о боевой деятельности юнкеров Сергиевского артиллерийского училища и курсантов Одесских (Харьковских) артиллерийских курсов.

4. Сергиевцы в годы Гражданской войны

Негативное влияние на настроения офицеров и юнкеров Сергиевского артиллерийского училища оказал начавшийся распад Российской империи, сопровождавшийся формированием национальных воинских частей. Временное правительство разрешило создание таких частей для Польши, Украины, стран Прибалтики, Финляндии.

В конце 1917 года руководители самопровозглашенной Украинской Народной республики своим решением украинизировали все воинские формирования, находящиеся на территории Украины. Эта же участь постигла и Сергиевское артиллерийское училище, весь личный состав которого, без его согласия, автоматически был зачислен в состав украинской армии. Поскольку офицеры национальных воинских формирований были «украинизированы» вопреки их желанию, то многие из них окончательно разочаровались во Временном правительстве.

После занятия Одессы большевиками в январе 1918 года в здании училища была открыта артиллерийская школа по подготовке артиллеристов для Красной Армии. Бывший преподаватель Сергиевского училища полковник Н.Г. Петрович поступил в школу преподавателем по практике артиллерийской стрельбы.

Гражданская война разделила многих офицеров и юнкеров-сергиевцев. Большая их часть продолжила свою службу в артиллерии Белой армии, часть выпускников влилась в артиллерийские части Красной Армии.

В частности, в период Гражданской войны в составе Красной Армии воевали бывшие юнкера и выпускники училища (см. Приложение 3): В.К. Пономарев, будущий генерал-майор инженерно-артиллерийской службы – Герой Социалистического Труда; П.И. Панченко, ставший в последствии известным украинским советским писателем, печатавшийся под псевдонимом – «Петро Панч»; Н.Л. Кекушев, который в Советской Союзе стал авиационным инженером-техником, участник двух полярных экспедиций.

В период немецкой оккупации Одессы в 1918 году на базе Сергиевское училище гетманское правительство Украины пыталось организовать Одесскую артиллерийскую школу. Несколько офицеров из состава старого училища остались при закрытом училище и их усилиями была сохранена основная часть учебных пособий и имущества училища.

15 октября 1919 года приказом № 2576 главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала А.И. Деникина Сергиевское артиллерийское училище было восстановлено, а генерал-майор А.А. Нилус вновь был назначен начальником училища. В училище также были назначены: командиром дивизиона – полковник Н.А. Казьмин (Козьмин), командиром 1-й батареи капитан В.Л. Краевский, командиром 2-й батареи капитан В.Н. Мамушин, курсовыми офицерами: 1-го отделения капитан К.А. Горуневич, 2-го – капитан Г.А. Георгиевский, 3-го – капитан А.С. Олехнович, 4-го – капитан Лукьянский. Примерно половина курсовых офицеров и преподавателей были из прежнего состава училища. Среди них были: полковники П.М. Васильев, Л.П. Круссер, Самарский и Беляев, капитаны Коротин, Жовнер, В. Жагмен, Сомов. Инструктором верховой езды был капитан К.Ф. Гавликовский, адъютантом училища капитан О.М. Арнольд. Училищным священником был академик богословия, бывший корабельный священник и настоятель Свято Николаевского храма, отец Феодор Мильяновский. В это время училище комплектовалось юнкерами, вольноопределяющимися и добровольцами находящихся в частях Добровольческой армии, а также кадетами старших классов Одесского кадетского корпуса. Вскоре в училище были влиты слушатели Армавирской артиллерийской учебно-подготовительной школы¹⁴.

¹⁴ Армавирская артиллерийская учебно-подготовительная школа была основана в середине 1919 года, когда на вооружение

В ноябре 1919 года 13-й ускоренный курс двухбатарейного состава приступил к занятиям. Подготовка юнкеров осуществлялась по программе полевой артиллерии. Кроме учебы юнкера несли гарнизонную службу в караулах по охране и поддержанию порядка в городе.

В конце января 1920 года, в связи с наступлением Красной Армии, началась эвакуация морем из Одессы частей Добровольческой армии и гражданского населения. 50 офицеров и 400 юнкеров училища, в составе двух батальонов распределенных по трем заставам, прикрывали посадку войск на корабли и последними из частей сдерживали части Красной Армии в непосредственной близости от морского порта.

Бывший юнкер В. Дюкин 2-й в своих воспоминаниях об учебе в Сергиевском артиллерийском училище достаточно подробно описывает весь трагизм событий того времени: *«В громадном Одесском порту шла лихорадочная эвакуация, затруднявшаяся наплывом беженцев. Эвакуировались госпитали, военные материалы, спасалось все, что возможно было спасти. По ночам порядок в городе и в порту часто нарушался подозрительными личностями, бандитами... Для восстановления порядка требовалось принятие решительных мер.*

Поэтому 22 января приказом генерал-майора Шиллинга, командующего войсками Одесского округа, училище было направлено в порт для обеспечения в нем порядка и для прикрытия эвакуации. Тогда же был отдан приказ об оставлении Одессы и отступлении в Крым.

В этот день юнкерам было разрешено в последний раз выйти в город проститься с родными и знакомыми. Мне удалось также побывать в моем родном Одесском корпусе и проститься с некоторыми из оставшихся в нем моих товарищей и бывших воспитателей.

Отмечу здесь, что корпус также готовился к выступлению в порт, но непонятная нерешительность директора корпуса, полковника Бернацкого, и запоздалое (на два дня) приведение в исполнение приказа об эвакуации явились причиной гибели корпуса, о чем я упомяну ниже.

Нужно отметить, что как училище, на 3-й станции Большефонтанской дороги, так и корпус, на 4-й станции той же дороги, находились в 5 км от города, а чтобы попасть в порт, необходимо было пересечь весь город.

На рассвете 23 января училище с оркестром в голове колонны прошло через весь город и заняло порт. Как выясняется только теперь, начальник училища перед уходом в порт послал в Одесский корпус офицера с предложением корпусу эвакуироваться вместе с училищем и под его прикрытием, но полковник Бернацкий это предложение отклонил, ссылаясь на то, что еще не получил официального приказа направить корпус в порт.

Важно указать, что орудий при училище в то время не было, так как они были еще раньше взяты на фронт, а новые доставлены не были. Таким образом, училище в тот момент представляло собой пехотную часть, вооруженную лишь винтовками и пулеметами.

По прибытии в порт главные силы училища расположились в Таможенной гавани, в больших и чрезвычайно холодных портовых складах, где находились караульное помещение, кухня и походный лазарет для подачи первой помощи пока что только обмороженным (в этом году была невероятно холодная зима, что сильно осложняло караульную службу).

Караулами и патрулями были надежно обеспечены Таможенная и Каботажная гавани, а в сторону города, расположенного значительно выше порта, были выставлены три сильные заставы:

застава № 1 – на Приморской ул. – Военный спуск, в сторону Пересыпи и Арбузной гавани, откуда, скорее всего, можно было ожидать нападения красных. Командовал заставой отдельный офицер 1-го отделения капитан Горунович;

Добровольческой армии стали поступать английские и французские орудия. Обучение стрельбе из этих орудий и происходило в Армавирской артиллерийской школе. Командовал школой капитан Сонги. В сентябре 1919 года школа была переведена в Севастополь и тут закончила свое существование, так как часть обучавшихся, имевших законченное среднее образование, была отправлена в Сергиевское артиллерийское училище, а остальные – в другие артиллерийские части.

застава № 2 – против знаменитой одесской (в настоящее время Потемкинской. – Авт.) лестницы, соединяющей Приморскую ул. с Николаевским бульваром. Командовал этой заставой отделенный офицер 3-го отделения капитан Олехнович;

застава № 3 – самая левофланговая, на перекрестке Польского и Ланжеронского спусков. Командовал заставой капитан Крыжановский.

Порядок был быстро налажен. Порт был очищен от всяких подозрительных личностей, которых юнкера отправляли в Комендантское управление в Воронцовском дворце, занятом довольно сильной комендантской командой. Из Воронцовского дворца порт был виден, как на ладони, и поэтому дворец являлся очень важным с тактической точки зрения пунктом, к сожалению не включенным своевременно в район, занимаемый училищем.

Отступающих частей Добровольческой армии нигде видно не было. Уже потом это объяснилось тем, что путь отступления через Одессу был отрезан красными, и нашим войскам пришлось отступить на Польшу, совершив всем известный «Бредовский» поход. В городе было более или менее спокойно. Далеко в море виднелись темные силуэты бездействовавших кораблей английского флота. Ожидали прибытия в порт одесских кадет, но они почему-то мешкали и еще не двигались из стен корпуса.

23 и 24 января прошли в спешной и беспорядочной эвакуации: слишком уж много скопилось в порту всего, что рвалось поскорее уйти от надвигавшейся... опасности.

На рассвете 25 января красным частям при поддержке местных большевиков удалось ворваться в город со стороны Пересыпи и Куяльницкого лимана, продвигаясь по Херсонскому и Нарышкинскому спускам в тыл Воронцовскому дворцу и выбить оттуда комендантскую команду, которая отступила по лестнице на нашу заставу № 2.

Другие красные отряды, двигаясь по Приморской ул., натолкнулись на заставу № 1, где произошло короткое, но сильное столкновение. Благодаря быстрым и решительным действиям наших пулеметчиков, красные были отбиты и отошли, оставив на мостовой несколько убитых.

На заставе № 3 также произошло небольшое столкновение: проникшие через Николаевский бульвар небольшие группы красных обстреляли на Ланжероновском спуске автомобиль английской военной миссии, спешивший в порт. Машина сошла с мостовой и разбилась об стену дома. Поспешившие на помощь юнкера отогнали красных, но смогли только констатировать смерть двух англичан, находившихся в разбитой машине.

При первых же выстрелах все училище было поднято по тревоге и быстро заняло намеченные позиции вдоль Приморской улицы и Куяльницкой железной дороги, между тремя заставами, хорошо укрывшись от огня красных между железнодорожными составами, брошенными вдоль всей линии.

Заняв выгодную позицию на возвышенности, красные открыли по порту сильный, но беспорядочный огонь, вызвавший панику среди беженцев, рвавшихся к пароходам, до которых огонь красных, к счастью, не достигал.

К началу боя я находился на заставе № 2. Весь этот участок принял под свое командование капитан Олехнович, который назначил меня юнкером для связи и, собрав все сведения о положении на заставах, послал меня к командиру дивизиона, полковнику Козьмину, находившемуся на нашей базе, для получения дальнейших распоряжений.

Исполняя приказание, я под прикрытием вагонов быстро достиг нашей базы и тут встретил адъютанта училища, капитана Арнольда, тщетно пытавшегося остановить бегущих в панике людей. Капитан Арнольд сообщил мне, что к концу мола, вне сферы огня красных пришвартовался английский крейсер, который должен будет своим огнем поддерживать наши действия и куда уже приглашено училищное начальство. Я бросился к крейсеру, но доступ до него был прегражден сильным кордоном английской морской пехоты, никого не допускавшей к трапу. На мое счастье я заметил на борту крейсера нашего командира дивизиона и доложил

ему о положении на заставах. Через некоторое время полковник Козьмин передал мне следующее распоряжение: к нашей заставе № 2 будут подтянуты некоторые части, которые, при первом залпе английского крейсера, совместно с училищем должны очистить Воронцовский дворец от занимающих его красных.

Вернувшись на заставу, я доложил обо всем капитану Олехновичу. Затем потянулись долгие и томительные минуты ожидания. Ждали залпа с крейсера, который должен был дать нам сигнал к переходу в наступление, но крейсер упорно молчал. По прошествии некоторого времени, в течение которого перестрелка с красными то усиливалась, то затихала, капитан Олехнович вторично послал меня на крейсер узнать, почему крейсер не открывает огня.

Проделав тот же путь, я снова был около крейсера. Возмущенный полковник Козьмин сказал мне, что англичане что-то "хитрят" и огня открывать не собираются... Положение создавалось весьма конфузное...

Неожиданно раздалась беглая очередь, и разрывы ирапнелей повисли над Воронцовским дворцом. Но выстрелы последовали не с крейсера, а с какой-то нашей отступавшей полубатареи, на карьере влетевшей в порт по Польскому спуску. Лихо снявшись с передков на открытой позиции на портовой площади, полубатарея открыла беглый огонь по красным, начавшим... очищать дворец. Поддержанные пулеметным и ружейным огнем наши части правого фланга быстро поднялись от заставы № 1 по Военному спуску и через три четверти часа заняли дворец и Николаевский бульвар. На Польском и Ланжероновском спусках присутствия красных, вообще, замечено не было, и наши патрули свободно доходили до Пушкинской улицы. Вот что значит присутствие хотя бы двух орудий, умело и во время использованных их лихим командиром!

От батарейцев мы узнали, что, отступая через город с севера, они услышали сильную перестрелку в порту и их командир, сделав из предосторожности большой крюк вправо, по Польскому спуску беспрепятственно добрался до порта и, как оказалось, в самый нужный момент.

Об общей обстановке мы узнали, что красные (по всей вероятности, партизаны атамана Григорьева, в чем не ручаюсь!) заняли Пересыпь и северо-восточную часть Одессы, а главное – «Одессу-Товарную» и путь отступления на Одессу отрезан. Удалось проскочить в Одессу только лишь некоторым небольшим частям.

Ну, а что же кадетский корпус? До сих пор его в порту не было. Оказалось, что только утром он двинулся из своего помещения. Почему это не было сделано вовремя?

Во всяком случае положение в порту было восстановлено. Красные больше не мешали эвакуации. Иногда только начиналась перестрелка по Приморской улице, в направлении Арбузной гавани.

Около 3 часов дня неожиданно для всех был получен приказ – немедленно оставить занятую линию, отходить в порт и спешно грузиться... Утверждают, что на этом настояли англичане, которые, не желая вмешиваться в назревающий новый бой, так как наступление красных должно было неминуемо повториться, послали в порт свой крейсер и два миноносца не для поддержки нас в бою, а для загрузки училища и других отступающих боевых частей и кадетского корпуса.

Не зная общей обстановки и не понимая смысла такого спешного отступления, юнкера двинулись к молу. Красные сначала не преследовали отходящих, но, сообразив в чем дело, заняли позиции над портом и открыли сильный беспорядочный огонь, не причинявший, к счастью, никакого вреда, но опять вызвавший панику среди беженцев. Все с ужасом бросились к немногим остававшимся еще в порту пароходам. Приходилось наблюдать душераздирающие сцены отчаяния людей, не попавших на суда.

Юнкера постепенно оставили заставы и сосредоточились за складами своей первоначальной базы. Отступая, они с горечью смотрели на приведенные в негодность прислужгой, одиноко брошенные две пушки, только что так лихо действовавшие против красных...

От пакгаузов приказано было постепенно двинуться к крейсеру, находившемуся вне сферы ружейного огня красных. Английский кордон пропускал на крейсер только исключительно юнкеров, различая их по красному с золотой обшивкой погону. Первоначально пытались отнимать у юнкеров винтовки, но потом ограничились только тем, что забирали штыки(!) и... вещевые мешки, бросая их тут же в воду.

Когда последние юнкера грузились на крейсер, стрельба на нашем фланге (быв. 3-я застава) приняла интенсивный характер, и мы увидели бежавших в направлении крейсера наших кадет! Их было всего около полуроты, увлекаемых доблестным командиром 1-й роты полковником Самоцветом. А произошло следующее: только утром 25 января директор корпуса отдал приказ двинуться в порт, но когда корпус подошел к порту, было уже поздно, путь был перерезан красными! Полковнику Самоцветову с полуротой удалось все же прорваться в порт по Ланжероновскому спуску, а полковник Бернацкий, видя безвыходность положения, решил отступить на Румынию. Из описаний этого отступления кадетами, его участниками, мы уже знаем, что румыны не пропустили корпус че рез Днестр. Части кадет 1-й и 2-й рот, после жестокого боя под деревней Кандель, понеся потери убитыми и ранеными, удалось прорваться через красное кольцо и присоединиться к отряду ген. Бредова. Директор же корпуса с несколькими офицерами и двумя младшими ротами был принужден сдаться в плен красным. Все они были уведены в Одессу и дальнейшая судьба их неизвестна.

Забрав на борт юнкеров и кадет, крейсер вместе с другими судами вышел в море. Выйдя в море, крейсер перегрузил нас на небольшой транспорт «Николай», пришедший в Одессу из Константинополя. Море сильно волновалось, начинало уже темнеть. Наш транспорт взял курс на Севастополь.

В это время стоявший на горизонте английский флот неожиданно открыл ураганный огонь по пустынному берегу в направлении лиманов. Куда он стрелял, кого он там в темноте видел? Мы решили, что стреляют они просто "в небо", чтобы потом сообщить куда следует, что эвакуация происходила под прикрытием английского флота...

Груз нашего транспорта состоял из большого количества галет и банок консервированного молока и шоколада, которые и явились пищей юнкеров в двухдневной дороге. Следствием такого питания было большое количество желудочных заболеваний среди юнкеров и у некоторых – в серьезной даже степени.

На вторые сутки, к вечеру 27 января, "Николай" выгрузил юнкеров у Севастопольской Южной пристани. В портовых магазинах немедленно была оборудована "база № 1", где помещался штаб училища и временный санитарный пункт для заболевших юнкеров.

Ночь мы провели в каких-то складах, но некоторым из нас удалось воспользоваться гостеприимством жителей ближайших к порту домов, которые за это были щедро вознаграждены консервированным молоком, ставшим нам ненавистным.

По прибытии в Севастополь училище поступило в распоряжение командующего войсками в Крыму генерала Слащева. Уже на следующее утро в порт был подан эшелон и, погрузившись, училище двинулось в направлении Джанкоя.

Часть офицеров административной части приступили к созданию училищной базы на южной стороне Севастопольской бухты, а основной состав училища на следующий день после прибытия эшелонами был направлен в действующую армию на север Крыма. На железнодорожной станции Джанкой была создана вторая временная база училища.

Уже находясь в Крыму, генерал А.А. Нилус подал в отставку и временно исполняющим обязанности начальника училища был назначен его помощник -командир дивизиона полковник Н.А. Казьмин (Козьмин).

Офицеры и юнкера училища побатарейно были приданы частям 13-й и 34-й пехотных дивизий 3-го армейского корпуса под командованием генерал-майора Я.А. Слащева (служил прообразом генерала Хлудова в кинофильме «Бег») который лично, перед отправкой на передовую, посетил юнкеров. В училище были назначены два новых командира батарей: 1-й полковник В.С. Хаборский и 2-й полковник Р.И. Грибовский. Бывший командир 1-й батареи капитан В.П. Краевский был назначен в эту же батарею старшим офицером, а старшим офицером 2-й батареи назначен полковник Корытин. Капитан В.Н. Мамушин был назначен начальником училищной базы № 2, расположившейся в Джанкое.

Не зная назначения этих баз, юнкера сочинили шутивную песенку, в которой пелось: «Как яркими алмазами, дорожку нашу, знай, украсили мы базами многострадальный край!» (на мотив «Садко»).

В середине февраля 1-я училищная батарея была направлена на оборонительные позиции Перекопского участка, 2-я батарея была направлена на Сивашский участок (ст. Таганаш).

Через несколько дней 1-я батарея походным порядком, через с. Воинка, прибыла к месту назначения в Карпову Балку и вошла в состав 1-го дивизиона 34-ой артиллерийской бригады, получив три трехдюймовых орудия.

Вся артиллерия участка Карповой Балки подчинялась командиру 1-го дивизиона 34-й артиллерийской бригады полковнику Пастернаку, который имел в своем распоряжении: на правом фланге, у Сиваша, чешскую батарею из двух пушек (происхождение этой батареи не ясно: как будто бы она была создана и оборудована чешскими колонистами. Тем не менее, батарея эта была неплохо экипирована, имея на вооружении две новенькие пушки. Личный состав батареи был одет в синие полушубки с каракулевыми воротниками и синие же бриджи и обуты – к зависти юнкеров Сергиевского училища – все в высокие сапоги); в центре участка – три пушки 34-й артиллерийской бригады, и на левом фланге – три пушки юнкеров-сергиевцев, причем самая левофланговая, капитана Олехновича, находилась в версте от нас, на берегу большого озера.

Таким образом, на приблизительно 10-верстном фронте полковник Пастернак располагал восемью орудиями.

Принятые юнкерами-сергиевцами орудия были старые, но в хорошем еще состоянии. Конский состав был также хорош, но особенно выделялись коренные 1-го орудия, два громадных гунтера, которые всегда выручали всю батарею, когда нужно было вытаскивать из грязи пушки или зарядные ящики. Ездовым этого уноса был юнкер Гавриил Буряк, которому эти богатырские кони и были обязаны своим блестящим состоянием.

Юнкера были назначены номерами при орудиях, ездовыми, телефонистами и пулеметчиками. Но почти половина батареи оставалась «без места», и из этих юнкеров было создано так называемое «прикрытие», по образцу пехотного подразделения.

«На фронте было затишье, – вспоминал бывший юнкер В. Дюкин 2-й. – Жили мы очень скучно, в маленьких избах, еда была очень скромная: большей частью – знаменитая "камса" и перловая крупа, прозванная "ираннелю". Среди юнкеров было много заболеваний тифом.

В конце февраля стали поступать сообщения о накоплении сил противника на Юшунском и нашем участках фронта и, наконец, 27, кажется, февраля на рассвете началось новое наступление красных.

Решив использовать элемент неожиданности, они еще в темноте бросились в атаку. Пехота наша встретила их огнем. Впереди нас закипел бой, наши орудия и "прикрытие" были наготове. Первой заговорила пушка капитана Олехновича и за ней вступила в бой и вся наша артиллерия. Когда уже совершенно рассвело, первая атака красных была отбита, но со стороны Юшунки слышалась непрерывная канонада.

Через несколько часов, поддержанные слабым артиллерийским огнем (видимо, у них было мало орудий), красные снова перешли в атаку, пользуясь густым туманом, но совмест-

ными действиями пехоты и артиллерии и эта атака была отбита и красные отошли на исходные позиции.

Когда мы уже собирались праздновать победу, было получено сообщение, что главный, юшунский участок фронта прорван красными и нам было приказано сняться с позиции и отходить в направлении на Воинку, чтобы не оказаться отрезанными противником.

Обождая пушку капитана Олехновича, мы двинулись. Из-за невылазной грязи, болот и гатей, пересекающих дорогу, отступление шло медленно и тяжело.

У одной большой гати застряли почти что окончательно. Вот тут то и поработали гунтера-коренники 1-го орудия, которых впрягали, поочередно, в другие орудия и ящики. В стороне медленно тонули засасываемые грязью повозки и какая-то несчастная лошадь, которой никак уже нельзя было оказать помощи.

Красные пытались помешать нашему отступлению огнем двух пушек, которые по ошибке били по небольшому хуторку вправо от нас. Юнкера шутили, говоря, что командир красной батареи был "наш", так как определенно не хотел в нас попадать (может быть так оно и было на самом деле?).

Пройдя верст десять, мы остановились у одного большого хутора. Здесь был получен грозный приказ генерала Слащева: немедленно перейти в контрнаступление и остановить красных. Прибыли подкрепления, – эскадрон гусар, не помню уже, какого полка, и горсточка пехоты; главные же резервы были брошены на Юшунь.

По приказу полковника Пастернака все имеющиеся налицо восемь орудий выстроились в одну линию, позади пехоты, имея то же самое расположение, что и раньше: на правом фланге чешскую батарею, потом пушки 34-й бригады – в центре и нашу – на левом фланге. Сам полковник Пастернак устроился на наблюдательном пункте, на стоге сена.

Не помню уже, сколько времени тянулось томительное ожидание. Вдруг впереди раздался беший ружейный и пулеметный огонь, это наши встретили наступающие цепи красных. Сразу же вступили в бой и наши пушки. Сначала стреляли по-орудийно и повзводно. Прицел все уменьшался. С наблюдательного пункта вдруг пришла команда "Беглый огонь!" и все восемь орудий заработали так, как будто хотели перегнать друг друга, только успевали подавать снаряды...

Вдруг телефонист на батарее крикнул: "Красные бегут!" Огонь впереди еще как будто бы усилился, и оттуда донеслось "ура!". Все наши пешие и конные части бросились в контратаку. Прицел стрелявших орудий стал быстро увеличиваться... Через несколько минут чешская батарея помчалась вперед, за нею – пушки 34-й бригады и, наконец, наша батарея. Так, поочередно меняя позиции, мы преследовали нашим огнем спешно уходивших красных. К вечеру подошли к знакомой уже нам злополучной гати и разбитому хуторку и там заночевали, прямо на позициях.

Утром мы вошли в Карпову Балку. Узнали, что красные разбиты также и у Юшунь и положение восстановлено, но что наше контрнаступление продолжается. После короткого отдыха мы двинулись на Армянск и Перекоп, уже взятые с налета нашими частями юшуньского участка.

Ночевали в Армянске. Продолжая наступление, наши части, поддержанные свежей донской конницей генерала Морозова, вышли за Перекопский Вал, но здесь встретили сильное сопротивление красных, организовавших оборонительную линию у села Первоконстантиновка в камышах, вдоль широкой гати. Необходимо было их оттуда выбить и для этого туда были направлены спешным порядком наши 1-е и 2-е орудия под командой капитана Лукъянского с задачей облегчить пехоте переправу через гать. Здесь и произошло лихое и красивое артиллерийское дело: подойдя по широкой и большой балке как можно ближе к противнику, обе пушки выскочили из балки и, проскакав на карьере довольно большое промерзшее поле и снявшись с

передком прямо перед гатью, открыли беглый огонь прямой наводкой по засевшим в камышах красным.

Те сейчас же, конечно, ответили сильным, но беспорядочным ружейным и пулеметным огнем, к которому вскоре присоединилась и красная артиллерия: первый же снаряд угодил как раз между 1-м орудием и отъезжавшим передком, не нанеся, к счастью, никаких потерь ни прислуге, ни лошадям. Юнкера и тут опять шутили, что командир красной батареи был тот же "свой", так как следующие снаряды просто не хотели ложиться на наши пушки, а рвались где-то вправо, влево, спереди или сзади...

Капитан Лукьянский, не обращая внимания на пули, стоял во весь рост на правом фланге орудий и подавал команды, а наши лихие и опытные наводчики били противника, что называется, в лоб. Я был в расчете 1-го орудия и отчетливо слышал, как пули щелкали, попадая в орудийный щит...

Огонь наших пушек был настолько меток и быстр, что противник не выдержал и начал покидать камыши; в этот момент поднялась наша пехота, беспрепятственно перешла гать и ворвалась в Первоконстантиновку. И здесь наши орудия поддерживали пехоту, сопровождая отступающих красных беглым огнем. Закончила бой конница генерала Морозова, которая, обойдя противника слева, к вечеру загнала красных в Сиваши, а на следующее утро уничтожила 2500 красноармейцев, захватив при этом два орудия (наверное, те самые, что стреляли по нам!).

Так закончился славный бой под Первоконстантиновкой, за который наша батарея была представлена к 20 георгиевским крестам.

Наступление красных опять потерпело неудачу, и бои прекратились. Нас отвели в Карпову Балку. В марте мы передали наши орудия пришедшим нам на смену частям корпуса генерала Кутепова.

Из Карповой Балки мы перешли в село Солдатское, где встретили праздник Пасхи, потом долго стояли в немецкой колонии Люстиг и, наконец, получили распоряжение направиться в Севастополь в состав гарнизона Севастопольской крепости и для продолжения прерванных занятий. В Джанкое встретились с нашей 2-й батареей, которая, оказывается, не отстала от нашей и за бой под Таганашем и Чонгаром также заслужила 20 георгиевских крестов. Подробности о действиях 2-ой батареи не помню, вспоминаю только, что юнкера перевозили своего командира батареи, полковника Грибовского, старшего офицера, полковника Корытина, и капитана Шуневича, любимца юнкеров, про которого пели: "И с видом королевича на бой, кровавый бой, фигура шла Шуневича, ведя нас за собой".

Таким образом, по результатам боев 20 юнкеров «Перекопского» участка и 20 юнкеров «Сивашского» участка были представлены к награждению орденом Святого Георгия («Георгиевский крест»), что само по себе является необычным и впечатляющим.

Весной активная фаза боев прекратилась, после чего юнкера и офицеры были возвращены в Севастополь для продолжения обучения. Училище разместилось на северной стороне Севастополя в казармах Константиновской батареи. Усилиями оставшихся в Севастополе офицеров оно было относительно хорошо благоустроено. Учебный процесс продолжился и осенью планировалось присвоить офицерские звания юнкерам старшего курса. В июле главнокомандующий генерал П.Н. Врангель провел смотр училища, во время которого представленным к награде юнкерам вручил Георгиевские кресты IV степени. Наводчику орудия юнкеру Готовец, как уже ранее награжденному Георгиевскими крестами IV и III степенями, был вручен Георгиевский крест II степени. Тогда же полковнику Н.А. Казьмину был присвоено звание – генерал-майор. Осенью был начат набор на 14-й курс. В октябре юнкера выпускники приступили к экзаменационным практическим артиллерийским стрельбам на полигоне вблизи села Бельбек, однако закончить стрельбы не удалось – Крымский фронт был прорван войсками Красной Армии.

В первых числах ноября 1920 года началась эвакуация Белой армии из Севастополя. Сергиевское артиллерийское училище было передислоцировано на транспорт «Рион». Часть юнкеров-сергиевцев, совместно с юнкерами Алексеевского военного училища и Донского атаманского училища, под объединенным командованием генерала Скалона, прикрывали эвакуацию, держа оборону на северной стороне Севастополя по старой оборонительной линии, которую занимала Русская армия еще в период Крымской войны. Другая часть юнкеров и офицеров несла охранную и караульную службу в самом городе.

В середине 1920 года Добровольческая армия была переименована в Русскую армию, но авторы, чтобы избежать путаницы и недоразумений будут продолжать ее именовать Белой армией.

3 ноября юнкера и офицеры училища, одни из последних подразделений Белой армии, были посажены на транспорты «Рион» и «Херсонес» и эвакуированы из Крыма в Турцию. Перед посадкой на транспорт юнкера и офицеры училища принимали участия в знаменитом последнем построении и параде частей Белой армии на Нахимовской площади у Графской пристани, когда главнокомандующий вооруженными силами юга России барон П.Н. Врангель произнес речь-прощание с русской землей. «Дальнейшие наши пути полны неизвестности», – говорил П.Н. Врангель в последнем своем приказе в Крыму.

5. Сергиевцы в эмиграции

Не нужен им берег турецкий...

В Турции училище было размещено в военном лагере вблизи Галлиполи в трех старых турецких бараках, где юнкера 13-го курса продолжили учебу. Часть офицеров и юнкеров училища по прибытии в Константинополь покинули училище, в том числе командир 1-й батареи полковник В.С. Хабарский, капитаны К.А. Горуневич, А.С. Олехнович и Лукьянский. В дальнейшем из училища ушли в разное время около 50 юнкеров.

В обновлённом управлении училища состояли: начальник училища – генерал-майор Н.А. Казьмин, командир дивизиона – полковник Р.И. Грибовский, командиры батарей: 1-й – полковник В.Л. Краевский, 2-й – полковник В.Н. Мамушин, старший офицер и командир 1-го отделения 1-й батареи полковник Г.А. Георгиевский, старший офицер 2-й батареи полковник Шуневич, адъютант училища капитан О.М. Арнольд, фельдфебель 1-й батареи Н. Петров, фельдфебель 2-й батареи В.А. Каврига. Оставшийся командный и преподавательский состав был пополнен наиболее подготовленными строевыми офицерами-артиллеристами. Например, преподавателем тактики был назначен Генерального штаба полковник Сергиевский.

Несмотря на то что в ходе эвакуации было перевезено некоторое количество различных образцов артиллерийских орудий и стрелкового вооружения, все равно ощущалась острая нехватка учебных пособий. Однако усилием офицеров и юнкеров, хорошо знающих столярное и слесарное дело, умеющих чертить и рисовать, были созданы некоторые учебные пособия. В училище был организован свой хор трубачей. Среди юнкеров поддерживалась должная воинская дисциплина. Строго воспрещалось употребление спиртных напитков. Занятия проводились ежедневно, кроме субботы и воскресенья, когда юнкерам предоставлялся отпуск в город. Один раз в неделю юнкера несли гарнизонную службу при управлении военного коменданта.

Жизнь вдали от Родины накладывала свой отпечаток. Тяготы сплотили юнкеров, но все-таки не обошлось без инцидентов. Офицер-артиллерист галлиполиец Н.Д. Раевский вспоминал, что «в числе преподавателей Сергиевского училища был офицер, советовавший юнкерам уходить из армии и всячески старавшийся подорвать у них веру в успех борьбы с большевиками. Лицо это (офицер Генерального штаба) было предано по другому делу суду чести и выслано в Константинополь». Впоследствии, уехав из Константинополя в Советскую Россию, был предан суду по обвинению в службе у белых, но освобожден от всякого наказания, так как доказал, что работал в Галлиполи и в Константинополе по разложению армии Врангеля».

С целью поднятия духа у эмигрантов и поддержания дисциплины в войсках в Галлиполийском лагере регулярно проводились смотры и военные парады, на которых постоянно присутствовали и юнкера Сергиевского артиллерийского училища. Последний парад Белой армии состоялся в мае 1921 года. Вот как описывал его в своих воспоминаниях очевидец, бывший юнкер-сергиевец И. Берест: «пришла очередь и Сергиевских артиллеристов. "Дивизион...", – подал команду полковник Грибовский, порт-артуровец с белым Георгиевским крестом на груди и Владимиром на шее. "Первая батарея прямо...", – подал команду полковник Краевский, вторую батарею повел полковник Мамушин. Не пехотным, а легким шагом, равняясь как по нитке, прошли Сергиевские юнкера, не думая тогда, что это последний парад... и никто их больше не поведет на борьбу... и что рассеются они по всему свету, но никогда не забудут, ни Галлиполи, ни этого парада. "Спасибо, Сергиевцы", – благодарил генерал (Врангель. – *Авт.*). Части перестраивались и уходили». Пустело поле, и кончился праздник, а с ним и армия, последний оплот Белого движения.

11 июля 1921 года из училища был осуществлен 13-й выпуск 127 юнкеров с присвоением им званий подпоручик. При выпуске юнкерам выдавалось 5 турецких лир, новая гимнастерка, пара нижнего белья и суконное одеяло, из которого молодые офицеры шили себе «галифе». Каждому юнкеру были вручены офицерские погоны и фотография генерала П.Н. Врангеля с его собственной дарственной подписью. На следующий день состоялся прощальный «банкет». Тогда же в Галлиполи из детей эмигрантов и эвакуированных кадетов был произведён новый – 14-й набор юнкеров.

В Болгарии

26 ноября 1921 года училище вместе со всей артиллерией Белой армии было переведено в Болгарию, где разместилось в заброшенных казармах в г. Великое Тырново. Подготовка юнкеров шла не по ускоренному, а уже по нормальному, трехгодичному курсу мирного времени.

«В училище в то время было три курса юнкеров, – вспоминал бывший юнкер М. Каратеев, – в общей сложности человек триста, разбитых на две батареи. Юнкера имели вид подтянутый, одеты были хорошо и однообразно: белые гимнастерки, черные брюки, высокие сапоги со шпорами и артиллерийские бескозырки. У всех были винтовки и шашки, кроме того, из Галлиполи с собою было привезено десятка полтора пулеметов различных систем и отдельные части русской трехдюймовой пушки, для учебных занятий. В город все выходили в форме, с погонами, и даже совершали строем военные прогулки, при винтовках и с училищным духовым оркестром... Преподавательский состав в САУ (Сергиевское артиллерийское училище. – *Авт.*) стоял на исключительной высоте, достаточно сказать, что среди наших лекторов было восемь военных академиков. Но учебных пособий почти не было – все приходилось записывать на лекциях. Шесть часов в день уходило у юнкеров на классные и строевые занятия, кроме того, еженедельно сдавалась какая-нибудь репетиция, то есть частичный экзамен по пройденному курсу, к которому готовились по вечерам, нередко засиживаясь в аудиториях до глубокой ночи».

Однако в Болгарии у Белой армии возникло ряд серьезных проблем. Одни из них носили политический характер и были связаны с нарастанием негативного отношения болгарского правительства к эмигрантам. Дело дошло до вооруженных стычек военнослужащих училища с полицией, сопровождавшимися жертвами со стороны юнкеров. В результате одной из них был убит юнкер Лобода, а еще шесть юнкеров получили огнестрельные ранения. В августе 1922 года состоялся 15-й выпуск, а в конце августа в казармах Сергиевского училища болгарской полицией был произведен обыск с целью изъятия оружия, завершившийся арестом почти всех офицеров училища. Начальник училища генерал-майор Н.А. Казьмин, командир дивизиона полковник Р.И. Грибовский и инспектор классов полковник Н.А. Безак были высланы из Болгарии в Югославию, а училище было передислоцировано в г. Тырново-Сеймен. Из-за отсутствия денег занятия в училище были приостановлены на полтора месяца, а юнкерам было разрешено наниматься к болгарам на хозяйственные работы. Впоследствии полковник Н.А. Безак смог вернуться в училище и стал последним начальником Сергиевского артиллерийского училища.

Весной 1923 года был произведен 16-й выпуск старшего полного курса училища. Из 36 человек, поступивших в Галлиполи, в Болгарии было произведено в подпоручики 27 юнкеров, один юнкер погиб, 8 юнкеров было отчислено по разным причинам до окончания курса.

Так как казна главнокомандующего Белой армией почти полностью истощилась, было решено 12 июля этого же года провести ускоренный 17-й выпуск, он оказался последним.

Юнкера последнего выпуска, так как не прошли полного курса обучения, приказом генерала барона П.Н. Врангеля производились в подпрапорщики. Сам П.Н. Врангель не смог прибыть в Болгарию, так как болгарское правительство отказалось пустить его в страну, и юнкерам была зачитана его телеграмма: «Сердечно поздравляю славных юнкеров-сергиевцев подпоручиками. Твердо верю, что молодые орлы будут достойны своих доблестных старших соратников».

Около 70 юнкеров в частном порядке отправились завершать высшее образование в Чехию, Болгарию и во Францию. Большинству уехавших юнкеров, благодаря аттестатам об окончании училища, которые, например в Чехословакии, приравнивались к золотым медалям за окончание средней школы, удалось устроиться на учебу в различные технические учебные

заведения, В дальнейшем Сергиевское артиллерийское училище, переведенное на положение кадра по штату артиллерийского дивизиона, было передислоцировано в г. Софию.

Часть офицеров последних двух выпусков были оставлены при училище, и по состоянию на сентябрь 1925 года в составе Сергиевского артиллерийского училища, под командованием полковника Н.А. Безака, числилось всего 164 человека, из них 148 офицеров. Несколько выпускников училища, не выдержав жизнь на чужбине, вернулись в Советскую Россию, дальнейшая их судьба неизвестна.

Размещение офицеров выпускников училища по странам на сентябрь 1925 года было следующим: Болгария – 96, Сербия – 4, Франция – 14, Чехословакия – 27, Греция – 2, Румыния – 2, Польша – 2, Америка – 1.

Незначительная часть профессорско-преподавательского состава, а также некоторые выпускники Сергиевского артиллерийского училища кто пошел работать, а кто и пошел служить по специальности в болгарскую, чехословацкую, польскую и югославские армии. Командование болгарской и югославской армий предложило педагогам Сергиевского училища, обладавшим большим боевым опытом и солидным багажом научно-преподавательских знаний, работу научных консультантов при болгарских и югославских военно-учебных заведениях, а также должности преподавателей по артиллерийскому делу и баллистике. Группа офицеров получила возможность работать в югославском генеральном штабе, где она занималась обобщением опыта Первой мировой войны. С мая 1921 года артиллерийских офицеров русской армии стали принимать на различные должности в Артиллерийско-техническое отделение военного министерства Соединенного Королевства Сербов и Хорватов (Югославия). В Чехословакии, офицеры-сергиевцы проходили службу в строевых артиллерийских частях чехословацкой армии, преподавали в учебных заведениях в основном технического профиля, занимали ответственные технические посты на заводах. Некоторые офицеры, рассеявшиеся от Эстонии до Южной Америки, также нашли себя в качестве преподавателей военных наук, либо военных советников.

Известно, что выпускник училища И.К. Мрочковский уже в эмиграции стал генералом китайской армии, где командовал бронепоездом, а юнкер Л.В. Оссовский стал полковником парагвайской армии. Бывший юнкер Н.Н. Ребиков во время Второй мировой войны воевал на стороне фашистской Германии и командовал батальоном власовской армии в составе вермахта. Юнкер Н.Н. Афанасьев в эмиграции посвятил себя служению богу, став протоиереем и профессором богословия.

В 30–40-х годах бывшие юнкера, проживающие во Франции, организовали «Объединение бывших юнкеров Сергиевского артиллерийского училища», которое возглавлял генерал-майор Н.А. Казьмин.

Как видим, по-разному сложилась судьба выпускников Сергиевского артиллерийского училища, в основном она оказалась трагичной, поскольку слишком трагичной для России, а впоследствии и СССР, оказалось первая половина XX века. Многие из сергиевцев погибли в войнах, в которых участвовала Россия и СССР, другие безвестно сгинули на чужбине, одни связали свою жизнь и службу с Советской Россией, другие отдали свои знания и опыт не своей родине, но все они гордились своим бывшим званием юнкера Сергиевского артиллерийского училища и все они достойны нашей памяти.

Выпуски офицеров Сергиевского артиллерийского училища в период с 1914 по 1917 годы.

1 декабря 1914 года – 112, 14 мая 1915 года – 122, 10 июля 1915 года – 133, 1 ноября 1915 года – 232, 22 декабря 1915 года – 184, 14 мая 1916 года – 245, 29 июня 1916 года – 201, 22 декабря 1916 года – 245, 15 февраля 1917 года – 224, 1 июля 1917 года – 266, 15 августа 1917 года – 216.

Всего за период с 1914 по 1917 годы Сергиевским артиллерийским училищем выпущено 2180 офицеров.

История училища была продолжена уже в советское время новыми поколениями артиллеристов, которые своими ратными делами поддерживали и развивали лучшие традиции Сергиевского артиллерийского училища. Несмотря на то что Сергиевское и Одесское артиллерийские училища готовили артиллеристов в государствах с различным общественно-экономическим строем, связь между этими военными учебными заведениями существует. Место расположения, принадлежность к одному роду войск, преподавательский состав, методика обучения, учебно-материальная база, обслуживающий персонал – вот те незримые нити, которые объединяют эти два училища. Поэтому начало истории Одесского артиллерийского училища вполне справедливо следует считать не с 23 февраля 1919 года, а с 8 октября 1913 года, то есть с момента создания Сергиевского артиллерийского училища.

6. Создание Одесской артиллерийской школы имени М.В. Фрунзе

Забегаая несколько вперед, отметим, что 1923 год для Одесской артиллерийской школы начался с ошеломившего всех известия о расформировании военного учебного заведения. До 21 января 1923 года Одесской артиллерийской школой командовал председатель ликвидационной комиссии Каданцев. К счастью, приказом начальника вузов Украины и Крыма № 413078 расформирование школы было прекращено и принято решение в состав Одесской школы влить 5-ю Харьковскую артиллерийскую школу. «Ввиду того, что 5-я артиллерийская школа имеет большое боевое прошлое, все знамена и другие регалии, праздники, а также **старшинство** (выделено *Авт.*) с 22 января 1919 года, передать Одесской артиллерийской школе», – говорилось в приказе. Позднее, в мае 1926 года приказом Реввоенсовета был установлен ежегодный праздник школы – 23 февраля. Поэтому история Одесской артиллерийской школы начинается с момента создания Харьковских артиллерийских курсов.

Харьковские артиллерийские курсы

В конце 1918 года – начале 1919 года на Украине шла ожесточенная борьба за установление Советской власти. С украинской земли изгонялись германские оккупанты, велись ожесточенные бои с войсками Белой армии, Петлюры, Махно.

В начале января 1919 года войсками Красной Армии был освобожден Харьков. В связи с освобождением Харькова и Риги в январе 1919 года В.И. Ленин писал: «Латвия и Украина становятся Советскими республиками... Каждый месяц тяжелой борьбы и великих жертв усиливает дело Советской власти во всем мире, ослабляет ее врагов...».

Борьба за освобождение всей Украины требовала дальнейшего роста и укрепления Красной Армии, формирования новых частей, соединений и комплектования их новым командным составом.

Для подготовки командных кадров из рабочих и крестьян создаются в Украине краткосрочные командные курсы: пехотные, артиллерийские, пулеметные и кавалерийские. В числе таких военно-учебных заведений в Украине были и 1-е советские Харьковские инструкторские артиллерийские курсы, сформированные 22 января 1919 года.

Комиссаром курсов был назначен С.М. Шабишвили, а заведующим – офицер старой армии М.Л. Туган-Барановский. Командный и преподавательский состав в основном подбирался из офицеров царской армии.

В феврале была сформирована учебная батарея в составе двух взводов. Вскоре начались занятия. Заниматься приходилось в очень трудных условиях: не хватало топлива, учебных пособий бумаги. Многие помещения скорее были похожи на холодные сараи, чем на учебные классы. Курсанты спали на голых нарах, укрываясь шинелями. Плохо было с питанием.

Но, несмотря на трудности, курсанты, в большинстве своем малограмотные, своим трудолюбием, успехами в военной учебе удивляли своих преподавателей, офицеров царской армии. Среди последних часто можно было слышать: «Скажите, пожалуйста, простые мужички и вдруг...».

В 1919 году в боях против белогвардейцев участвовали многие из существовавших тогда военно-учебных заведений. Сроки обучения были предельно сокращены. Большинство курсантов завершили свое обучение на фронте и получали звания красных командиров непосредственно в боях.

Так было и на 1-х советских Харьковских артиллерийских курсах. Уже в марте 1919 года они участвовали в разгроме войск Белой армии, действовавших в районе города Александровска (Запорожье) и других районах Украины. Для ликвидации остатков разгромленных частей Белой армии в Харькове был сформирован специальный экспедиционный отряд. В его состав вошли артиллерийские и пулеметные взводы Харьковских артиллерийских курсов. Помощником начальника отряда назначили командира дивизиона курсов А.В. Федотова.

Прибыв в г. Александровск, отряд в течение недели принимал участие в боях. В частности, им был разгромлен отряд армии Махно численностью 300 человек. 10 апреля курсанты возвратились в Харьков для продолжения учебы.

В то время Реввоенсовет Республики и Главное управление военно-учебных заведений провели ряд мероприятий по расширению военно-учебных заведений, улучшению их работы.

1-е советские Харьковские артиллерийские курсы получили новый штат, им отвели новое помещение. Сотни молодых рабочих и крестьян поступили на курсы. Но сроки обучения сократились. Красной Армии нужны были новые отряды преданных делу революции красных командиров.

Недолго продолжалась нормальная учеба. На юге Украины возник антисоветский мятеж под командованием Григорьева. Мятежники захватили Елизаветград (Кировоград), Екатери-

нослав (Днепропетровск), Херсон, Николаев, Кременчуг, Черкассы. Советское правительство объявило Григорьева вне закона. Военные операции по ликвидации мятежа Григорьева возглавил К.Е. Ворошилов.

Утром 30 апреля 1919 года резкий сигнал прервал занятия курсантов Харьковских артиллерийских курсов. Курсанты выстроились во дворе. Немного словной была речь комиссара С.М. Шабишвили.

– Товарищи красные курсанты! – обратился комиссар. – Партия большевиков призывает вас к оружию. Враги посягают на нашу власть. Получен приказ выделить из состава курсов одну батарею. Выступление на фронт завтра.

Военком окинул взглядом стройные шеренги курсантов.

– Кто желает добровольно войти в состав батареи – два шага вперед!

В едином порыве двинулся вперед весь личный состав.

Эшелон, в который погрузилась четырехорудийная батарея под командой И.Л. Высоцкого, вскоре отошел от перрона Харьковского вокзала. А спустя несколько дней батарея вступила в бой с григорьевскими отрядами.

Курсанты сражались героически. В районе г. Крюков батарея была окружена. Личный состав дрался до последнего снаряда и патрона. Оставшиеся в живых несколько курсантов вывели из строя орудия и вместе с командиром отошли за Днепр.

Узнав о трагической гибели своей батареи, руководители курсов срочно сформировали и отправили в район боев вторую гаубичную батарею. Ее сопровождала оборудованная силами курсантов железнодорожная бронеплощадка, защищенная листовым железом и мешками с песком. На ней находилось трехдюймовое орудие. Командиром бронеплощадки назначили И.Л. Высоцкого, имевшего опыт борьбы с григорьевцами. Особенно успешно действовала бронеплощадка в боях под Кременчугом, где было положено начало разгрому мятежников. Поддерживая наступление пехоты, бронеплощадка подошла к станции Користовка. Григорьевцы под прикрытием бронепоезда стали отходить к Знаменке. Командир бронеплощадки И.Л. Высоцкий принял смелое решение преследовать противника, на его плечах ворваться на станцию Знаменка и захватить ее.

Противник сосредоточил огонь по бронеплощадке. Но она упорно продвигалась вперед. Прямым попаданием курсанты-артиллеристы вывели из строя один из вагонов бронепоезда. Враг поспешно начал отходить. Вдали показалась станция Знаменка.

– Полный вперед! Огонь! – командовал И.Л. Высоцкий.

Не выдержав точного огня, григорьевцы оставляют железнодорожную станцию. У противника захвачены богатые трофеи: четыре эшелона с вооружением, продовольствием и обмундированием. Рабочие депо радостно приветствовали своих освободителей.

Удар оказался настолько дерзким и неожиданным, что в Знаменке в исправном состоянии была телефонная связь, по которой можно было разговаривать с атаманом Григорьевым. Незадачливый атаман никак не мог поверить, что Знаменка уже в руках советских войск.

В приказе командования специально были отмечены умелые и решительные действия бронеплощадки артиллерийских курсов. Заметим, что курсанты-артиллеристы без пехоты овладели станцией Знаменка и в течение суток удерживали ее до подхода советских войск.

Отряды атамана Григорьева вскоре были окончательно разгромлены. Победителями вернулись курсанты-артиллеристы в Харьков. И снова принялись за учебу. Недолго, правда, длилась для них мирная жизнь.

Войска Деникина начали наступление на Москву. Республика Советов переживала тяжелые дни. Грозная опасность нависла над Украиной. В конце мая войска Белой армии подошли к Харькову. Срочно были сформированы новые боевые подразделения и части Красной Армии. Харьков и его окрестности были объявлены укрепленным районом. Начальником артиллерии

укрепрайона назначили М.Л. Туган-Барановского, а начальником штаба артиллерии – А.В. Федотова.

8 июня 1919 года курсы получили задание сформировать для отправки на фронт девять артиллерийских батарей разного калибра и оборудовать бронеплощадку. Задание было выполнено в срок.

И вот начались жестокие сражения с деникинцами, в которых курсанты 1-х советских Харьковских артиллерийских курсов приняли самое активное участие. В ходе боев часть командного состава из числа бывших офицеров царской армии изменила Советской власти и перешла на сторону противника. Их место в боевом строю заняли воспитанники советских командных курсов. Так, на должности командиров батарей тогда были выдвинуты курсанты Кравченко, Завгородний, Лосев, Беляев, Маневский, Шлыков, Рыжов и другие. Курсанта Иванченко назначили командиром бронеплощадки. Многие курсанты успешно командовали в боях огневыми взводами.

Так в боях, по существу, и произошел первый выпуск красных командиров, воспитанников 1-х советских Харьковских артиллерийских курсов.

Белогвардейцам 22 июня удалось прорваться к Харькову. Курсанты-артиллеристы встретили их губительным огнем. Однако силы были неравны. Красные войска отходили. Курсанты боролись за каждый метр, за каждый дом и улицу бывшей столицы Украины.

Участник тех боев курсант Росицкий писал впоследствии: «С гордостью можно сказать, что мы, курсанты, во время своего первого боевого крещения оказались на высоте собственного достоинства». Дорого заплатил противник за Харьков. Большие потери понесли и курсанты-артиллеристы. Смертью героев на поле брани легли Мирошниченко, Покалюк и другие командиры-артиллеристы и курсанты.

Части Красной Армии под натиском превосходящих сил Белой армии отошли на Богодухов, а затем на Сумы. Войска Белой армии продвигались в глубь страны. Создавалась реальная угроза столице Советского государства – Москве.

9 июля 1919 года были опубликованы написанные В.И. Лениным тезисы ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!». В них Ленин изложил план мобилизации трудящихся масс на разгром врага. Южный фронт стал главным фронтом Советской республики.

Из частей Сумской группы, куда вошли курсантские подразделения Харьковских артиллерийских курсов, была сформирована 41-я стрелковая дивизия, влившаяся в состав Южного фронта.

Курсантские батареи принимали самое активное участие в тех боях. Вот лишь отдельные эпизоды, рассказанные курсантами – участниками сражений.

Курсанты-артиллеристы двигались на Сумы. Вдруг где-то в тылу послышалась стрельба. Примчавшиеся кавалеристы донесли, что казаки при поддержке бронепоезда прорвались на Белополье. Пришлось повернуть назад. Противник засел в селе Речки и открыл артиллерийский огонь по нашей пехоте. Поставили и мы батарею на позицию и стали отвечать врагу. Вскоре удалось разведать месторасположение белогвардейской батареи. Немедленно открыли по ней меткий огонь. Враг смолк. Наша кавалерия, воспользовавшись прекращением артиллерийского огня, ударила справа по флангу противника, Подразделения третьего корниловского полка были разбиты.

Еще эпизод. Сложившаяся на фронте обстановка вынудила нас отойти к Рыльску. Прорвавшиеся бронепоезда врага непрерывно следовали за частями красных. В бою под селом Ястребиное, южнее Рыльска, для прикрытия отхода пехоты и артиллерии по приказу командования было оставлено одно орудие Харьковских курсов. И здесь, в самоотверженной схватке, показав образец высокого мужества и стойкости, четыре курсанта кровью своей вписали одну из самых славных страниц в истории Харьковских артиллерийских курсов... Казаки наступают. Свистят над отважными батареями белогвардейские пули. Убит герой-командир Яку-

шевич, любимец курсантов. Ранены оставшиеся три курсанта. Но орудие не умолкает. Мечутся вражьи кони, валятся всадники с седел. Орудийный расчет героически продолжает вести неравный бой.

И лишь тогда, когда красноармейцы отошли и закрепились на новом рубеже, орудие переместилось на другую позицию.

За героизм и мужество, проявленные в боях, Народный Комиссар по военным делам Украины награбил ценными подарками большую группу командиров и курсантов I-х советских Харьковских артиллерийских курсов.

К середине октября 1919 года наступил перелом в ходе боевых действий на Южном фронте. Деникинский «поход на Москву» окончательно провалился. Начался разгром врага.

Основная масса курсантов Харьковских артиллерийских курсов в октябре была отозвана с фронта и направлена для продолжения учебы на 1-е Московские артиллерийские командные курсы. В составе 41-й стрелковой дивизии остались только две курсантские батареи и десятки воспитанников курсов, ставшие в ходе боев командирами артиллерийских подразделений.

Под ударами Красной Армии деникинцы оставили Харьков.

В марте 1920 года по решению Реввоенсовета республики в родной город возвратились из Москвы курсанты Харьковских курсов. И опять в аудиториях закипела бурная жизнь.

14 августа 1920 года 1-е Советские Харьковские артиллерийские курсы были переименованы в 5-е Харьковские артиллерийские командные курсы. А 17 октября того же года в торжественной обстановке состоялся первый официальный выпуск красных командиров. Тридцать шесть командиров-артиллеристов, получивших боевой опыт и закалку в боях, были отправлены в действующую Красную Армию, которая в это время вступила в ожесточенную схватку с польскими войсками, а вскоре – и с войсками армии Врангеля.

Для борьбы с Врангелем из курсантов военно-учебных заведений Украины была сформирована сводная курсантская дивизия в составе трех бригад. Командиром этой дивизии назначен смелый и талантливый военачальник П.А. Павлов.

5-е Харьковские артиллерийские курсы отправили на фронт в составе курсантской дивизии две батареи: легкую и гаубичную, которые составили первый артиллерийский дивизион. Участие курсантов в боях против Врангеля было непродолжительным. Но и за короткий срок сводная курсантская дивизия Южного фронта совершила немало боевых дел.

В ноябре 1920 года был завершен разгром Врангеля.

Однако сводная дивизия продолжала вести борьбу с отрядами Махно и вела ее до полного разгрома врага. А спустя три месяца курсанты вернулись в Харьков и принялись за учебу.

С 21 января 1921 года курсы преобразовали в 5-ю Харьковскую артиллерийскую школу, которой 4 декабря было вручено Красное знамя. В тот же день состоялся второй (ускоренный) выпуск красных командиров.

В 1922 года 5-ю Харьковскую артиллерийскую школу окончил будущий Маршал Советского Союза Кирилл Семенович Москаленко.

Так, сочетая учебу с боевыми делами, учились и воевали курсанты-артиллеристы. На полях сражений Гражданской войны создавалась славная история Харьковских артиллерийских командных курсов, ковались их замечательные боевые традиции. Преемником и продолжателем этих славных традиций стала Одесская артиллерийская школа.

От командных курсов до артиллерийской школы имени М.В. Фрунзе

Весной 1919 года под натиском Красной Армии войска интервентов оставили Одессу. В городе была восстановлена Советская власть. Однако обстановка в стране оставалась очень напряженной. Надо было укреплять Красную Армию, ковать кадры красных командиров, готовиться к дальнейшей борьбе с интервентами и внутренней контрреволюцией.

В середине апреля 1919 года из Киева в Одессу прибыл М. Червец. По указанию народного комиссара по военным делам Украины Н.И. Подвойского и комиссара управления военно-учебными заведениями Украины Абрамова он должен был организовать 3-е советские артиллерийские командные курсы.

Об открытии в Одессе артиллерийских курсов через месяц после вступления в город частей Красной Армии доложил Реввоенсовету штабу 3-й Украинской Красной Армии организатор курсов и их первый комиссар М. Червец. «5-го мая сего года открыты 3-и советские артиллерийские командные курсы (Зд. б. Сергиевского артиллерийского училища, 2-я ст. Б. Фонтанской линии трамвая) и начаты занятия с курсантами».

Командированный в освобожденную Одессу Управлением военно-учебных заведений Украины М. Червец установил связь с партийными и советскими органами города, передал всем военным руководителям и учреждениям приказание Наркомвоена Украины Н.И. Подвойского оказать в организации курсов полное содействие.

Для приема в трехдневный срок от военно-учетной комиссии помещения и имущества бывшего Сергиевского артиллерийского училища были назначены две специальные комиссии под председательством заведующего хозяйственной частью и одного из штатных преподавателей. Комиссии выявили и учли сохранившееся имущество жилых и служебных помещений, складов, библиотеки, музея, типографии, всех учебных лабораторий и кабинетов.

Штат курсов был рассчитан на 500 курсантов. Но решить эту задачу сразу не было возможности и набор шел по частям. 25 апреля на главных улицах и центральных местах Одессы, у вокзала, госпиталя, казарм воинских частей, у театров, в скверах были развешаны 500 экз., размноженных на школьном литографе воззвания к рабочим и крестьянам о правилах приема на курсы.

В местных газетах также был опубликован призыв – «Идите на командные курсы, чтобы получить необходимые для красного офицера знания и повести наши доблестные войска к победам».

На курсы принимались в первую очередь военнослужащие, имевшие боевой опыт и прошедшие подготовку в учебной команде одной из артиллерийских частей. Предъявлялись определенные требования и к их грамотности.

Одновременно сосредоточивались материальные средства, готовились помещения, подбирались командиры и преподаватели. К 1 мая в штат были зачислены 58 командиров, преподавателей и вольнонаемных, главным образом из тех, кто раньше работал в Сергиевском училище. Все они получили пайки и им было разрешено жить на старых квартирах.

Так, преподавателями были назначены: Миончинский, Нилус-Буковский, Петрович. Командирами батарей стали: Берегов, Котельников, Малинников, а командирами взводов – Жуков, Вершинин, Протопопов и другие.

Надежду на то, что трудное дело организации курсов будет успешно завершено, укреплял энтузиазм всех тех, кто был привлечен к его решению. А трудностей было очень много. И с оборудованием, и с питанием, и с обмундированием. Если по штату полагалось 18 автомобилей, то имелось из транспортных средств две старые, подорванные работой лошади, 1 мул,

брошенный отступающими французами, и 6 реквизированных велосипедов для обслуживания канцелярии.

Специальным приказом по курсам объявлялся порядок проведения приемных испытаний. Все поступавшие после подготовительных занятий сдавали экзамены по русской грамматике, математическим предметам и физике в зависимости от подготовки. По каждому из предметов выставлялась одна из оценок: удовлетворительно (+), или неудовлетворительно (–). Испытания проводились двумя комиссиями.

После первых экзаменов, проведенных 3 и 4 мая, 59 курсантов, зачисленные приказом по курсам, 5 мая были распределены по трем отделениям: специальное отделение было укомплектовано, имевшими образование не менее 6 классов; общее отделение – не менее 4 классов. Остальные – в подготовительное отделение.

Первых курсантов встретили красивые просторные помещения, широкие коридоры. Радовали глаз светлые классы и лаборатории.

С 5 по 15 мая 1919 года проводились занятия по повторению и подготовке к специальным дисциплинам, строевая подготовка. Создаются партийные и комсомольские организации в подразделениях и на курсах, игравшие большую роль в их жизни. Партийную организацию возглавил бывший рабочий Одесского трамвайного парка Лученко, комсомольскую – помощник комиссара курсов Могилевич, прибывший согласно предписанию управления военно-учебных заведений и с 19 мая зачисленный на все виды довольствия.

Буквально в первые же дни учебы на общем собрании курсантов был избран товарищеский суд в составе 5 человек под председательством помощника командира взвода курсанта Л. Толмачева.

3 мая специальным приказом был объявлен общий порядок внутреннего поведения на курсах, предполагавший обязательное приветствие старших, подачу команд и доклад при входе в помещение преподавателей и командиров. Подробная инструкция внутренней жизни курсов была роздана каждому курсанту. В ней обращалось внимание на сознательное отношение к воинской дисциплине, учебе.

Строгий распорядок дня определял подъем курсантов в 7 утра, обязательную утреннюю гимнастику, осмотр, 7 часов занятий, в том числе два часа строевой подготовки, час послеобеденного отдыха, личное время. Два часа отводилось на политико-воспитательные мероприятия, репетиции различных самодеятельных кружков. В 23 часа был отбой, а желающие в течение часа могли заниматься. В 24 часа в связи с экономией электроэнергии выключался свет.

Даже в тяжелое для страны время, курсанты получали хотя и скудное, но четырехразовое питание: утренний и вечерний чай, обед и ужин. На организацию довольствия курсантов народный банк выделил 30 тыс. рублей. Культпросветсекция губернского военного комиссариата обеспечила курсы газетами и журналами, которые раскладывались на столиках в специально установленных местах. Губернский отдел народного образования приступил к комплектованию библиотек для воинских частей гарнизона, в том числе и для артиллерийских курсов.

По приказу коменданта города, а им в первых числах июля был назначен П.П. Мизикевич, курсанты в числе военнослужащих, расквартированных в городе частей, получали право на бесплатное регулярное посещение зрелищных мероприятий.

Командиром тяжелого полевого артиллерийского дивизиона курсов был назначен В.И. Кумшацкий, командиром 1-й батареи – Берегов. Ему же было поручено делопроизводство по записи и приему курсантов. Помощником командира батареи – Кричинский, который временно заведовал артиллерийским вооружением курсов.

Караульную службу несли сначала красноармейцы 1-го советского Одесского полка, а затем подключились и курсанты, в первую очередь знакомые с военным делом. При этом прием на курсы продолжался. Продолжалась и начатая учеба. Армия требовала все новых и новых командиров.

Усиленные ежедневные практические занятия, целеустремленная воспитательная работа дали возможность в короткий срок создать на курсах крепкие, сплоченные, дисциплинированные коллективы, способные самостоятельно решать боевые задачи, поставленные военным командованием.

Недолго, однако, продолжались нормальные занятия. Курсанты систематически привлекались партийными, советскими и военными руководителями города как наиболее верная революция военная сила для наведения порядка в городе.

В Одессе действовали тысячи профессиональных воров. Особую опасность представляли отряды Мишка Япончика и матросов-анархистов, возглавляемых Стародубовым. В мае 1919 года курсанты-артиллеристы успешно разоружили матросский полк Стародубова, самовольно вернувшийся с фронта в Одессу. Кроме того, курсы приняли активное участие в подавлении восстания под руководством атамана Григорьева.

Весной 1919 года активизировала свои действия Белая армия под руководством генерала Деникина. Подняли голову вооруженные отряды атаманов Григорьева, Зеленого, Махно, Тютюника, Шепелева, Петлюры и других.

На борьбу с отрядами Махно ушла 3-я батарея артиллерийских курсов. Действуя как самостоятельный отряд по уничтожению мелких вражеских групп, курсанты впоследствии влились в 45-ю стрелковую дивизию. Они самоотверженно дрались против отрядов Махно и Петлюры, а затем против войск Юденича под Петроградом.

И в эти тяжелые дни не прекращается набор на артиллерийские курсы. 16 и 17 июля в одесских газетах был опубликован призыв к коммунистам и сочувствующим, рабочим, крестьянам по рекомендации коммунистических ячеек, фабрично-заводских комитетов идти на курсы.

19 июля состоялось официальное открытие 3-х Советских артиллерийских Одесских командных курсов и торжественное вручение Знамени. На торжествах присутствовали председатель губкома Я. Гамарник, окружной военный комиссар Б.И. Краевский и другие представители военных властей. После торжественного обеда, в присутствии многочисленных гостей состоялось открытие курсантского клуба и театра.

В ознаменование этого знаменательного дня окружной военный комиссар разрешил выдать на нужды клуба курсов 5 тысяч рублей. Ян Гамарник также ассигновал 5 тысяч на нужды партийчейки.

Обстановка в Одесской губернии и городе в конце июля 1919 года заметно осложнилось в связи с тем, что под Одессой вспыхнул мятеж немцев-колонистов. Серьезным испытанием, проверкой боевой зрелости курсантов явилось их участие в подавлении мятежа немецких колонистов.

Отряды немцев-колонистов, насчитывавшие около 20 тыс. человек, вынашивали далеко идущие планы – ударом в тыл Красной Армии, заняв Одессу и порт, оказать тем самым существенную помощь войскам Деникина, наступающим на Херсон и Николаев. Деникинская газета «Родина», выходившая в Харькове, 3 августа сообщила, что восстание возглавили генерал Шелль, полковник Гнилоубов и другие офицеры.

Вооруженные мятежники захватили большую территорию вплоть до границ с Бессарабией. Фронт проходил у самого города – в районе Люстдорфа, Большой и Малой Аккаржи, Дальника. Повстанческий центр немецких колонистов, руководимый генералом Шелля, находился в селе Большая Аккаржа под Одессой.

В Одессе тогда войск не было, они вели бой под Херсоном с деникинцами. Для разгрома отрядов Шелля Одесский губвоенком сформировал из курсантов крупный отряд. Для большинства курсантов это было первое боевое крещение, которое способствовало их закалке и сплочению. Выдержали его курсанты с честью.

Поднятые 26 июля по боевой тревоге, курсанты за ночь совершили форсированный марш и к утру подошли к селу Татарка. Мятежники готовились утром захватить Татарку и с ходу ворваться в Одессу. С рассветом курсантские подразделения под командованием молодого, энергичного и опытного военрука Чикваная перешли в решительное наступление и к концу дня отбросили врага к Аккарже. Заметим, что противник имел численное превосходство. В течение трех дней вели курсанты ожесточенные бои в районе Татарки и Аккаржи. Это позволило мобилизовать и отправить на фронт рабочих с предприятий Одессы. В тяжелых боях героически погиб командир артиллерийской разведки, бывший уральский рабочий курсант артиллерийских курсов Евстигнеев. Командуя небольшим отрядом разведчиков, он зашел во фланг противнику, навел панику в его рядах, обеспечив успешное наступление своих товарищей. В ходе боев отличились курсанты-артиллеристы А. Власенко, А. Долин и многие другие.

Выдающийся подвиг совершил знаменосец курсант Иван Разгуляев в самый критический момент боя, поднявшись во весь рост со знаменем в руках, он смело бросился в атаку. Но вражеская пуля сразила героя. Спасая Знамя, смертью храбрых погибли курсанты Распопов и Фейн. Но Знамя продолжало развеиваться над атакующими курсантами. Мятежники не выдержали натиска «лихих курсантов» (так назвал их Н.И. Подвойский), бросились бежать.

Пять дней шли кровопролитные бои с превосходящими силами врага. Защитники Одессы одержали победу. В ходе боев успешно действовали курсанты-артиллеристы. Огнем из пушек они уничтожили немало мятежников. Особенно отличились тогда отряды под командованием Котельникова и Малинина.

Начальник штаба действующих против мятежников войск Бульвит, отметил «выдающуюся и изумительную храбрость» курсантов, сеявших панику в рядах противника.

Артиллерийские курсы в боях с мятежниками потеряли 150 курсантов. 5 августа Одесса похоронила в братской могиле на Куликовом поле погибших в боях с мятежниками воинов.

После разгрома мятежников-колонистов для курсантов-артиллеристов наступила передышка. Но опять она оказалась очень короткой. Войска Деникина, отряды Махно все теснее сжимали кольцо вокруг Одессы. Уже 16 августа подразделения курсантов выступили на борьбу с махновцами в районе станции Коло-совка. Ночью 23 августа у Большого Фонтана при поддержке англо-французского флота деникинцы высадили морской десант. Начальник курсов Н.Г. Петрович пытался склонить курсантов к измене Советской власти и привлечь их на борьбу с Красной Армией. Авантюра не удалась. Большинство курсантов во главе с комиссаром М. Червецом были настроены на решительные боевые действия против десанта деникинцев.

Днем 24-го августа во дворе курсов выстроились две батареи 76-мм пушек и одна 152-мм гаубиц. Комиссар М. Червец разъяснил личному составу обстановку. Она была сложной. Офицеры, служившие на курсах, в большинстве своем перешли на сторону белогвардейцев. Около 5 часов вечера деникинцы начали обстрел территории курсов и ведущей к вокзалу дороги. По приказу М. Червеца отряд курсантов двинулся к вокзалу, расположился на Куликовом поле (в советское время площадь Октябрьской революции). В ожидании команды военного руководства, курсанты вновь были накрыты огнем артиллерийских орудий противника. Оставшиеся в живых курсанты вывели несколько орудий из-под обстрела и в ночь на 25 августа влились в состав уходивших из Одессы частей 45-й стрелковой дивизии, которые вели арьергардные бои, прикрывая отход южной группы войск 12-й армии под командованием И. Якира.

Для курсантов-артиллеристов учеба на курсах сменилась периодом самоотверженной борьбы против деникинцев. На фронте и в подполье курсанты-артиллеристы вели решительную борьбу против главной в то время опасности.

О действиях одной из таких групп курсантов рассказывает в своих воспоминаниях курсант А. Кабалкин. Зачисленный на курсы 23 июля 1919 года по партийной мобилизации, он вместе со своими товарищами принимал участие в ликвидации мятежа немцев-колонистов, под командованием комиссара М. Червеца уходил из Одессы. Уходя из-под обстрела на Кули-

ковом поле, покидая горящий район вокзала, старшина одной из батарей Крайнев собрал группу курсантов из 10 человек, которая впоследствии активно действовала в боях с петлюровцами, де-никинцами в районах Голованевска, Фастова, Казатина.

В отряде Гуляницкого сражался курсантский взвод (17 бойцов и 2 орудия) во главе с А. Власенко.

«Нас, курсантов, посылали на очень ответственные участки, – вспоминал А.О. Долин. Мы были то отдельным взводом, то действовали маленькими группами по подразделениям, там где нужно было поднять боевой дух бойцов».

Часть курсантов оставалась в Одессе. Некоторые из них, как курсант Верба, были арестованы и длительное время находились в тюрьме. А помощник комиссара курсов Могилевич был расстрелян.

При отходе советских войск из Одессы Могилевич личным распоряжением Я. Гамарника был оставлен для подпольной работы. Он получил боевое задание собирать и сколачивать большевистские силы города, чтобы бороться с врагами и оказывать помощь при возвращении наших войск. И Могилевич решал эту задачу. Несколько раз он появлялся по вечерам на территории курсов, поддерживая связь с надежными людьми из бывших работников, рассчитывая на встречу с оставшимися в городе курсантами. Во второй половине сентября Могилевич был схвачен деникинцами. Оказал сопротивление, но был застрелен. Расследование обстоятельств гибели Могилевича, проведенное после освобождения города ничего не прояснило, не удалось разыскать и место его захоронения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.